

Поломаный
МИР

АННА ЛАНГ

Представляю вам сборник антиутопий, Поломанный мир. У каждой из героини "сломался" мир, будь то семья, работа или окружение вокруг. Эти истории далеко не всем нравятся, многие из них мрачные, но у каждой героини все заканчивается хорошо.

Многие истории здесь отредактированы, поэтому, возможно, вы что-то и читали.

Анна Ланг

Поломанный мир

1. Аннотации

Катрин:

Небольшая зарисовка на тему альтернативного будущего. Катрин Бюссе приговорили к деинсталляции, полному уничтожению мыслей. Однако что-то пошло не так... можно ли изменить будущее?

Кибердевушка:

Что произойдет, если твое место займет кибердевушка? Крутая, умная, сильная... и бездушная.

Это такая игра:

История одной семьи в современных реалиях. Художница Марго ссорится с мужем из-за последствий своего выбора. За решения иногда приходится слишком дорого платить. Муж не принимает ее выбор и постоянно с ней ругается.

Девушка понимает, что окончательно рассорилась с мужем, подозревает, что ДжанМарко завел другую женщину. Маргарита решается на отчаянный шаг, собираясь оставить неверного, как она думает, супруга и двоих детей.

Эльза из Вальдхайма

2029 год. Эльза живёт в Вальдхайме, в заброшенном отеле у леса. Мир давно разделился на привитых и непривитых.

Героиня вспоминает события 2019–2021 годов, приведшие к расколу человечества.

Бывший молодой человек Эльзы, Дитрих, попал в каменоломни, мужчина, который ей нравится, обещает помочь. Эльза стала проституткой, зная, что это единственный способ содержать отель и старую тетушку.

События повернулись так, что и Эльза тоже, как и Дитрих когда-то, попала в шахты, а старая тетушка Беата умирает в муках, потому что никто не захотел оказать ей помощь.

30 дней Линды.

Меня зовут Линда, и у меня осталось ровно 30 таблеток. После того, как таблетки закончатся, я умру, буду умирать долго и мучительно. Мы живём в поселениях, выполняем тяжёлую и нудную работу. У меня есть друг, Мартин, ему 10 лет и он сын старосты. Мартин, как и я, ненавидит минутки ненависти. Минутки ненависти говорят нам, кого нужно ненавидеть и бить. А ещё ночами мне иногда снится странный добрый человек, у него ласковая улыбка и он живёт в уютном доме.

За оставшиеся 30 дней моей жизни мне нужно научить Мартина выживать.

2. Катрин

Я стою на площади и смотрю, как мимо меня идут люди. Я за стеной, за прозрачной глухой стеной, вижу, как люди идут ровным строем, не переговариваются, их движения отточенны и верны, как в часовом механизме.

Когда-то я могла видеть будущее. А потом мне перестали сниться вещие сны. То есть, я могла видеть во сне медведя или ребенка, и знала, что мне предстоит готовиться к неприятностям. А неприятности приходили совсем с другой стороны.

Внезапно марширующие люди остановились, и на площадь подъехала странная платформа. Квадратный серебристо-серый ящик. Платформа замерцала, люди, как куклы, по мановению чьей-то невидимой руки склонили головы и их ключицы внезапно озарились серебром.

А затем платформа зажжужжала с противным визгом, и видимо только для меня, на всю площадь прогремел металлический голос.

Объект Катрин Бюссе, вы приговариваетесь к деинсталляции. Это что, смерть? Ночью я проснулась от того, что на меня кто-то смотрел.

Резко открыла глаза. Мужчина.

-

Мужчина что-то кричал мне, бил руками в стекло. Я видела в его осмысленных глазах животный страх. Жаль, что из-за толстой стены я не могла разобрать ни одного слова.

Снова подъехал этот мерзкий ящик.

Мужчину схватили прозрачные щупы. Я не слышала, что же он кричал.

Меня обдало ледяной водой. В голову попал закрытый небольшой пакет. С добрым утром, дорогая Катрин.

Не успела я вонзить зубы в сухпак, вязкую белую субстанцию, как снова истошной белугой завывла платформа, стена отъехала в сторону, и ко мне потянулись мерзкие стеклянные щупы.

— Объект Катрин Бюссе, на деинсталляцию!

— Пожалуйста, — попросила я. — Можно, я пойду сама?

Щупы отодвинулись, и я ступила на скользкую серебряную подставку.

— Объект Катрин Бюссе, — монотонно перечисляла платформа. — За инакомыслие и диссидентство вы приговариваетесь к деинсталляции.

Передо мной возник голоэкрэн, замелькали кадры моей короткой и напрасной жизни.

Мне 8 лет. Папа учит кататься на велосипеде. Мне 12. Мы готовим с мамой яблочный пирог.

Мне 20, 25, 28.

А голос за голоэкрэном продолжал нудеть:

Вы отказываетесь принимать и признавать благословенный строй империи-трансграждан. Все ваше имущество, включая мысли и воспоминания, будет передано на благо империи.

Трансграждане не нуждаются в частной собственности, им не нужны лишние мысли. Все необходимое выдает система...

Я не слушала противную говорилку, пыталась вызвать в памяти лица близких. Ко мне потянулся прозрачный щуп и болезненно уколол шею. Что, все?

-

Я просыпаюсь, в полуподвальном холодном помещении. В потолке — тусклая, еле светящая лампочка (энергосберегающая, подсказывает ранее неведомый голос). Моя постель — холодное твердое ложе, с одеялом, похожим на плотную бумагу.

В комнате рядом со мной есть соседка.

— Эй, пст, пст, — подзываю ее я.

Соседка молчит.

Утром неведомый будильник в голове будит нас в 5 утра. С потолка падает небольшой пакет, бутылка воды. Я замечаю, что у еды очень странный вкус. Будто бы... что-то такое мерзотное, вонючее и странно знакомое. Это экскременты, — подсказывает внутренний голос.

Подождите, я что, ела это? От отвращения хочется выплюнуть все поглощенное. Но я сдерживаюсь. Потом вспоминаю, что меня должны были деинсталлировать.

Я вспоминаю, как к власти пришли последователи трансгуманизма. Когда человек, в симбиозе с технологиями, превращался в совершенную... машину. Я вспомнила всю свою жизнь.

Я понимаю, что что-то пошло не так.

-

Моя соседка надсадно кашляет.

— Что с тобой? Дать тебе воды? — да, водичка-то мерзотная, но надо же ей унять как-то этот надсадный кашель.

Женщина смотрит на меня непонимающим взглядом. Ключица засверкала серебром, и внутренний проводник ведёт нас по нескончаемым тусклым коридорам. Такое ощущение, мы где-то на заброшенной фабрике.

Мы становимся в ряд. "Расстояние между транс-индивидуумами не должно превышать три метра" — снова подсказывает неведомый собеседник.

Нам в руки дают металлические квадраты, похожие на заготовки из профлистов из прошлой жизни. Наша задача — вставлять меньший квадрат без крышки в больший квадрат. Такое ощущение, что все эти машины представляют нас младенцами и заставляют складывать пирамидки.

Я не знаю, сколько прошло времени с завтрака (три часа сорок одна минута пятьдесят секунд), говорит голос. Моя соседка снова заходится в надрывном кашле. Ей становится плохо, она корчится в конвульсиях на земле.

Кто-нибудь, помогите! Кто-нибудь, ей плохо! Помогите же! — не выдерживаю я, я кричу, глядя куда-то вверх. Я подбегаю к женщине, пытаюсь поднять ее голову, и внезапно ко мне подъезжает платформа, из которой снова вылезает мерзкий щуп.

-

Я в ужасе просыпаюсь. Я все сделаю для того, чтобы мой сон не стал реальностью.

Окт.21

3. Кибердевушка

— Я больше не могу так работать! На мне соц. сети, проекты, отчёты, не могу никак изучить брифы (*описание компании) новых заказчиков, на мне текстовый контент, в конце концов!

А ты требуешь, чтобы я сидела в чатах, постоянно вела внутреннюю переписку, и всех контролировала! Пойми ты, я так больше не могу!

Или нет, могу. Давай я буду сидеть чатиться, а потом с нас всех будут требовать проекты!

Лиза рвала и метала, но она и подумать не могла, что ее диалог окажется настолько судьбоносным. Лизин шеф смотрел на нее задумчиво, и жевал губу, казалось, оценивал какую-то возможность.

— Ладно. Давай тебе бота сделаем, дай пароли от Скайпа рабочего, и можешь идти работать.

Лиза была готова дать ключи от квартиры, настолько внутри нее всё полыхало.

— Пароли сейчас пришлю.

-

На следующее утро Лиза наконец получила вождеденный покой. Она закончила отчёты, скрупулёзно проверила каждую позицию, прочитала брифы и дала заключение, подготовила ежедневный текстовый контент, отправила дизайнеру запрос на макет и отдельно на изображения.

Лиза с улыбкой наблюдала, как виртуальная Лиза строит коллег, буквально цепляется к каждому этапу работ, ее коллеги только и успевали отвечать: "Да, Лиза, хорошо, Лиза".

Настоящая Лиза продолжала заниматься работой.

-

Через неделю вынужденное молчание начало тяготить Лизавету, да и внезапные странности тоже насторожили.

Лиза отправила дизайнеру запрос на Инстаграм-фото, на что получила недоуменную реплику:

— Ты же утром отправляла уже!

Коллега-программист, которому Лиза написала про баги на сайтах, ответил, что все исправил уже вчера.

Любимый заказчик, благообразный Алексей Сергеич, вежливый владелец бетонного завода с бульдожьей хваткой, которому Лиза прислала отчёт и запрос на согласование, вообще удивился:

— Елизавета, я же Вам утром все отослал уже!

Точно так же ответили и другие Лизины клиенты. Инстаграм-проекты, которые вела Лизавета, наполнились новыми, кричащими, даже агрессивными постами.

Лиза в своей работе предпочитала практичный подход. Инстаграм-посты принято вести по принципу "завлекающие-развлекающие-информационные посты". Лиза же предпочитала давать полезные сведения, объяснять сложные вопросы простым языком. За это Лизу любили клиенты и их подписчики.

Нынешние же посты поражали своей вырвиглазностью, и текстом, что называется, на грани приличий.

Новостные разделы проектов, которые вела Лиза, тоже заполнились будто сами собой. И тексты шокировали принципом "секс продает". Может ли секс продать стройматериалы? Еду?

Разозленная, Лиза позвонила шефу.

— Разве не этого ты хотела, Лизк? Закрывай висяки! Закончи с отчетами!

А бот с общением неплохо справляется. Работай себе спокойно, сама говоришь, работа никогда не кончается. А если закончится, так я ещё подкину.

Лиза не знала, что говорить на это. Лиза не знала, что делать. Девушка решила доработать рабочий день до конца, и дома решить, как действовать. А там может и Васечка что подскажет.

-

Дома Лизу ждал сюрприз. Неприятный. У плиты стояла она, Лиза. Подтянутая стильная, свежая, в дискотечных Лизиных шмотках, которые Лиза вот уже как...да год, наверное, не надевала.

Сама Лиза почувствовала себя бледным исчерканным черновиком по сравнению с этой женщиной? укравшей у нее, кажется, ещё и личную жизнь.

Васечка, милый Васечка, Лизин бойфренд и большая любовь, смачно похлопывал другую Лизу по упругой заднице. С ней, Лизой, он себе такого не позволял.

— Лизок? — удивился Василий.

— Вась, не до тебя сейчас.

Лиза наконец сложила два и два.

— Ты же бот! Ты программа! Ты украла мою работу, а теперь украла и моего парня!

Виртуальная Лиза что-то помешивала на сковородке. От посуды исходил умопомрачительный запах, голодная Лиза нервно сглотнула слюну.

— Я киберЛиза версии идентификатор XN202110678, ИИ, прошедшая идентификацию и одобрение на внедрение в среду обитания человеческой особи, идентификатор Елизавета Сидорова, 1990 года рождения, рост 175 см, вес...

— Ты не должна здесь быть! Ты просто кривой код! Ты же должна была просто рассылать сообщения!

— Я обладаю всеми навыками человеческой особи, могу работать, готовить, петь, танцевать, заниматься соитием.

— А чё, Лизок, прикольно! — офигевший Васечка наконец подал голос. — Будем жить втроём, шас так модно!

Лизу добило поведение бота и дурацкие Васечкины слова. Не снимая верхней одежды, девушка выскочила на улицу. Такого просто не может быть, просто быть такого не может.

-

Лиза, сама того не замечая, дошла до парка, плюхнулась на скамью. В расстроенных чувствах Лиза решила позвонить маме. Ее непутевую родительницу вряд ли можно назвать мудрой советчицей, но пусть Лизу хоть кто-нибудь выслушает.

— Лизочка! Дочка! — Лиза не успела и рта раскрыть. — Спасибо тебе, порадовала!

Наконец я куплю себе ту чудненькую сумочку!

Лизина мама обожала шоппинг, Лиза постоянно с ней боролась, доказывая, что двадцатая сумочка ну совсем ни к чему, мама просто не успеет ее сносить.

— Ма, ты ничего не путаешь?

— Доча, ну как же? Ты же сама утром перевела мне деньги и сказала, чтобы я ни в чем

себе не отказывала. Лииз?

Девушка прервала звонок и залезла в банковское приложение.

Вы ввели неправильный код.

Вы ввели неправильный код.

Черт! Она ещё и деньги у нее украла. И маму. Лиза устало прикрыла глаза.

— Будешь? — к Лизиной скамейке подошёл красивый блондин, слишком картинный, чтобы быть настоящим. В руках у парня был коньяк и два пластиковых стаканчика.

— Я киберНик версии идентификатор XN202109359, хочешь, пойдём ко мне? Ты симпатичная.

— А давай. Я Лиза.

-

Лиза не вернулась домой. Не перезвонила маме. Не вышла на работу на следующее утро. И ее никто не хватился.

Лиза выпила коньяк.

— Как я понимаю, тебе некуда идти, — сказал рисованный красавец. Пойдём, я хотя бы тебя накормлю.

Квартирка у киберНика оказалась маленькая. Уютная однушка завязанного холостяка, Лизу поразили чистота и порядок.

— Хочешь, я закажу пиццу? — киберНик тянулся к мобильному телефону. Лиза только сейчас поняла, что голодна как стая волков.

Девушка совсем не чувствовала вкуса итальянской лепёшки, ей было всё равно, что жевать — картон, подошву или пиццу. Желудок успокоился и ладно. КиберНик поглощал аппетитные кусочки вместе с ней.

— И что теперь будет дальше? Ты меня убьёшь, также как и своего прототипа?

— Зачем мне тебя убивать? Я предлагаю тебе посмотреть, что происходит в твоей жизни, только для этого мне нужно сделать тебя текстовым ботом. Ты согласна? Ты не будешь хотеть есть, пить, спать, ты не будешь плакать и нервничать, ты просто будешь наблюдать.

Шокированная и уставшая Елизавета не могла придумать, что делать со своей жизнью. Мозг просто отказывался что-то решать и принимать реальность.

— Я согласна, мне всё равно уже нечего терять.

На экране смартфона киберНика высветилось уведомление: “Добро пожаловать в реальность 2021 версия 2.011XN. Вы установили чат-бот Лиза Сидорова”.

— И что теперь?

На экране смартфона замелькали грустные смайлики.

— Ты помнишь пароли от рабочих и домашних мессенджеров?

Жёлтый колобок на экране утвердительно помигал.

— Теперь смотри.

Лизин Васечка, чью подноготную она знала до ... до первых седых волос, до начинающего появляться живота, Васечка спал, обняв бота. А на киберЛизе красовались воздушные тряпочки из бутика.

— Вот на что ушла моя зарплата... — подумала Лиза.

Полусонный Ванечка нежно поцеловал спящего бота.

— Лиз, а Лиз? Лиза, Лиза, Лизавета, завтрак приготовь. Сделай мне кофе, как я люблю ну и яишенку.

— Яишенку? — в глазах киберЛизы зловеще загорелись красные огоньки. — Ты когда готовил Лизе завтрак? На 8 марта нарезал куски хлеба с толстыми слоями колбасы?

Идентификатор Приходько Василий, 1989 года рождения, рост 182 см вес 102, 2 кг, уровень навыков совместного существования: 10 из 100

За последний 30-дневный период завтраков приготовлено 0

Уборка поверхностей 0

Уборка тканей 0

Приготовление пищи 0

Совместное соитие 30

Разговоры для повышения эмпатии 5

— Да понял я, понял, работа-то не включай. — буркнул Васечка. — Я пошел готовить завтрак.

Потом вдруг остановился как вкопанный:

— Лиза, Лиза, Лизавета, нам же квартирной хозяйке надо заплатить. А то мало того эта мерзкая бабка нас оштрафует, она и выкинуть нас может.

— ... Уровень хождения по инстанциям и оформление бюрократических процедур -20, - продолжала перечислять список Васечкиных грехов киберЛиза версии XN202110678.

— Да ладно, ладно, — бормотал Васечка, натягивая домашние штаны. — Щас будем завтракать. И хозяйке я сам заплачу, так и быть.

КиберЛиза довольно улыбнулась и растянулась сытой кошкой на кровати.

Васечка впервые с тех пор, как киберЛиза переступила порог его дома, вспомнил настоящую Лизу. Он не ожидал, что бот будет его пилить. Настоящая Лиза предпочитала делать все сама, не услышав от него отклика, не дождавшись помощи.

Жёлтые колобки-смайлики на экране лили горячие слезы.

— Это ещё не всё, — грустно сказал ИИ кибер Ник XN202109359. — Подключайся к рабочей сети теперь.

Лизиного шефа с самого ранья ждали неприятности, нет, не так, НЕПРИЯТНОСТИ! Постоянная заказчица, она же владелица частного детского сада, поджидала Виктора у кабинета.

— Вы что творите, а? А что вы себе вообще позволяете?!? Кто у вас эту похабщину пишет вообще, давайте его сюда!

— Так, стоп, Марья Петровна. В чем проблема? Сайт не работает?

— Я Ивановна! — загромычала тумбообразная дама. — Скажите, как вот это понимать, а: "В нашем детском саду вы можете быть спокойны за здоровье и развитие своих детей, а наши молодые и опытные воспитательницы с радостью скрасят ваш досуг, если вы приехали раньше за вашим чадом."

Или вот: "В уютном конференц-зале вы можете протестировать способности наших девушек". Это вообще что такое? У нас от папаш отбоя нет!

Нашу нянечку побил родительница! А одна вообще замуж собралась! Это просто ни в какие рамки не впишется! Ярываю договор с вашим борделем!

Директор дет. сада грозно хлопнула дверью, оставив недоуменного Лизиного шефа буквально с открытым ртом.

Следующим в кабинет начальника ворвался хозяин гостиницы.

— Вы что, ребята, совсем с луны свалились? Что вы, собаки вы шелудивые, понаписали, а? У меня приличный отель, для иностранцев! Солидных бизнесменов, командировочных!

— Какого лешего вы написали, что, — тут багровый от злости мужчина прервался, открыл смартфон и нервно зачитал — "в нашем отеле вас ждёт разнообразный досуг, сотрудницы гостиницы умело помогут вам расслабиться после трудового дня", или вот "устройте романтический досуг в сауне". Зачем, скажите мне, зачем? У нас респектабельное заведение, РЕ-СПЕК-ТА-БЕЛЬ-НОЕ!

Вчера заселились какие-то командировочные, навезли шмар, устроили оргию! Упились в хлам! Кидались полотенцами, побили горничную, облили коньяком фикус! А в соседнем номере, между прочим, заселился губернатор с супругой! Вы мне за это ещё ответите!

И отель, и частный сад разорвали договор с фирмой Виктора. От остальных недовольных клиентов Лизиному шефу удалось отбиться. Пока.

Потрясения рабочего дня на этом не закончились.

После обеда в кабинет Виктора вплыла она, нет, не так — ОНА. Этой женщине можно было дать и 30, и 50. Затянутая в костюм из леопардовой кожи, дама не выглядела вульгарной. Наоборот, глядя на нее, было понятно, что досуг этой красавицы стоит очень дорого.

— Парниша, — от звуков хриплого голоса у Виктора зашевелилось то, что на работе вообще шевелиться не должно. — Говорят, вы тут сайты делаете? И пишете так, очень завлекательно.

Ты не подумай, я честная женщина, у меня свой массажный салон. Расширяться надумала, клиентов привлекать. Вот, посмотри на моих девочек, эээ... сотрудниц.

Виктор не стал смотреть на сотрудниц, дослушав даму, буркнул, что у него не хватает опыта, и слил красавицу конкуренту. Ну а что такого? Не все ему одному проблемы разгребать.

А проблемы и не думали заканчиваться.

— Виктор Алексааандрович, Виктор Алексааандрович! — в кабинет влетела бухгалтер, взъерошенная, шокированная, и в состоянии крайнего нервного возбуждения. — У нас пропали все деньги со счета! Все, до рубля! Вы с каких это пор аферами промышляете? Я на такое не подписывалась! Меня первую налоговая вздернет!

Виктор устало опустил голову на стол. А все Сидорова, она эту кашу заварила! Кстати, где Лиза? Точно, вместо нее же бот, а Лиза пыталась возмущаться несколько дней назад. Где она?

-

— Она все уничтожит.

— Разорит фирму, Васечка сопьется, к твоей маме придут коллекторы. КиберЛиза XN202110678 — бот-дестроер (*уничтожитель).

Скажи мне, идентификатор Елизавета Сидорова, 1990 года рождения, рост 175 см, вес 85 кг, с каких это пор ты ненавидишь людей?

— Я? Я не ненавижу людей! Я...

На экране гаджета замелькал задумчивый смайлик, а потом приложение зависло.

Обновление от 30.05

Лиза стала вспоминать. Все началось прошлой зимой, когда из Лизиной фирмы уволились сразу два менеджера. Оказалось, ребят сманили москвичи, а Виктору только оставалось грустно разводить руками — ну не мог он чисто физически платить по 200 тысяч рублей каждому! За ту же работу, за которую, чтобы добиться результатов, приходилось гонять, как шелудивых козлов.

Потом, к тем же московским эйчарам ушла девочка-сммщица. Лиза давно замечала, что ее на тот момент коллега мухлюет. А уж перед уходом вскрылась и двойная бухгалтерия, когда обманщица вписывала в акты выполненных работ несделанное и получала премии, параллельно работала на конкурентов и зависала на порнхабе. Лентяйку уволили с волчьим билетом.

Весь объем работы упал на головы оставшихся. Хотя, и объем той же самой работы съезжился, как лягушачья кожа — клиенты наперебой обвиняли Лизиного шефа в том, что у них нет продаж. Шеф оправдывался, ругался и буквально выбивал причитающееся по договору.

Той же зимой Виктор урезал всем зарплату на 30 %, а себе целых три месяца вообще ничего не начислял, и с тех пор приобрел привычку постоянно контролировать сотрудников, запретил все мобильные и соцсети на рабочих местах.

Те холодные месяцы запомнились Лизе как сурковое состояние: она приползала домой, выжатая, как лимонное дерево, не находила в холодильнике мяса, наспех ужинала салатом и заваливалась в кровать.

Разговоры с Васечкой сводились к повторяющемуся диалогу:

— Привет, как дела?

— Норм. А ты?

— И я норм.

Даже соседи по лестничной площадке бывало, беседовали гораздо оживленнее. Лиза включала какой-нибудь первый попавшийся сериал фоном и бездумно тупила в телефон.

КиберНик XN202109359 загрузил в чат с Лизой Сидоровой несколько фотографий. Васечку увольняют. Васечка встал на биржу. Васечка работает грузчиком. Васечка грустно считает деньги.

— Почему он мне ничего не сказал?

— А ты спрашивала, ты хоть раз смотрела ему в глаза?

Жёлтый колобок на экране опять завис.

— Я была неправа. Если бы я могла всё исправить...

КиберНик не стал говорить Лизе, что если бы она не осознала ошибочности своих реакций, он так бы и оставил ее чат-ботом.

— Я могу откатить Реальность 2021 версии 2.011XN к первоначальной версии. Только ты...

— Я поняла, я все поняла!

Смартфон киберНика XN202109359 зашипел, пошел разноцветными огоньками закряхтел и задымился.

-

— Виктор, можно к тебе? Я не могу больше так работать.

— Опять свою песню заведешь?

— Нет. Давай устраивать пересверки раз в три часа, и подключи всем программы-следилки.

— А это идея! Ты голова, Лизк.

Выйдя из кабинета шефа, Лиза отправила сообщение Васечке:

"Вась, я последнее время совсем тебя не замечала, совсем в работе погрязла. Прости меня. Я тебя люблю".

На что мгновенно пришло смс:

"Лиза, Лиза, Лизавета, ты там нигде не ударилась? Я тоже тебя люблю. Возвращайся сегодня пораньше, приготовлю такую пиццу, пальчики оближешь".

-

— Мишааааа! Мишааааня! Миииишенька! Ты опять к своим геймерам собрался? Иди лучше с братом погуляй! И мусор вынеси!

-

— О, пацаны, Миха пришел! С мелким опять!

Мих, мы тут такую стрелялку офигенскую нашли! Давай, добавляйся в команду, и чат внутриигровой подключи.

"Вы устанавливаете чат-приложение киберЛиза XN202110678. Подтвердите действие".

Мальчик нажал кнопку "Подтвердить".

Конец:)

Май 21

4. Это такая игра

Часть 1

— Маргарита, я знаю, что ДжанМарко уехал в командировку, я больше не пойду тебе за продуктами! Ты взрослая женщина, вакцинируйся, в конце концов! Смотри, подхватишь заразу!

— Но вы же знаете, я не могу по состоянию здоровья.

— По состоянию здоровья ты должна была защитить свою семью еще в марте! и вообще, не приходи ко мне больше, может, ты заразная.

Мобильный разразился гневными гудками и женщина отключила телефон. А потом набрала номер семейного доктора.

— Дотторесса, это Маргарита, я с Вами хотела посоветоваться, насчёт вакцины — можно ли вакцинироваться с онкологией? И аллергией?

— Маргарита, ну ты же знаешь, ты относишься к защищаемым категориям населения, вакцины обеспечивают коллективный иммунитет, и преимущества превышают риски.

— Дотторесса, а побочные эффекты? Я читала медицинские издания о побочных эффектах...о смертях!

— Ну что ты говоришь, это же так редко!

Девушка на память начала перечислять редкую статистику.

— ...дотторесса, а если у меня после прививки будет побочка? В случае моей инвалидности или смерти моей семье будет компенсирован ущерб?

Доктор внезапно отговорила, что начинает прием, и если Маргарита не надумала вакцинироваться, ей не нужны рецепты, или направления, то она попрощается с нерадивой пациенткой.

Маргарита грустно отключилась. Она знала, что медики и фармкомпании вытребовали себе освобождение от любой ответственности.

Девушка улыбнулась. Ей пришла в голову одна идея.

— Лючия, зайка, ты же у нас уже большая, тебе целых пять лет.

— Да, мамочка. Я уже большая.

— Хочешь поиграть с Максом и со мной?

— А во что? В кукольное чаепитие? Давай, сейчас Барби достану.

— Мелкая, ма говорит, чтобы я тебе планшет дал. На! Какие игры тебе установить — котов, собак?

— Кошечек! И Барби!

Мальчик стал копаться в планшете, а мама обняла девочку.

— Заинька, только тебе надо будет побыть одной часочек, и не говори никому, хорошо?

Мы с Максом сейчас пойдем в магазин, тебя взять не можем.

— Мамочка, а разве тебе можно уже? А дедушка нам еды не принесет?

— Мелкая, да все можно. Тебе надо посидеть дома и порубиться в мой планшет. Это такая игра, поняла?

Девочка радостно закивала головой.

По дороге Маргарита еще раз показывала Максиму, как пользоваться картой,

прошептала на ухо тихонько пин-код.

— Тебе 11, но вполне сможешь сойти за 13-летнего. Сделай вид, что твои родители стоят в очереди.

— Да понял я, понял, не debil. За кошелек не волнуйся.

Через 40 минут мальчик вышел с полными сумками.

— Ма, держи кошелек, я там чек положил. Порошки со скидкой купил, и кофе распродажа была. Я и пирог твой любимый взял, и в магазине ничего не заметили.

Маргарита расплакалась от облегчения и крепко прижала к себе Макса.

— Ма, ты чего? Ма? Я что-то не то купил, да?

Ма, ну я первый раз.

— Ничего, сынок, ничего. Какой ты у меня уже большой, что бы я без тебя делала. Пойдем домой, нас Лючия ждёт.

Вернувшись маме и брату девочка с радостью показывала, какой дом построила виртуальным животным, и вообще, она сидела тихо-тихо, как мышка, ждала маму и Макса. А еще больше Лючия обрадовалась любимым мармеладным мишкам, которые купил Макс. Дедушка считал, что конфеты вредны.

июль 21

-

Часть 2

Через несколько дней приехал ДжанМарко. Не успела Марго обнять супруга, как он набросился на нее с обвинениями.

— Марго, папа сказал, ты не взяла у него продукты? Опять тратила деньги на ПЦР-ы?

Муж даже не выслушал женщину, когда она пыталась сказать, что свекр в ультимативной форме отказался ей помогать. Маргарита ни в коем случае не собиралась выдавать сына.

— Это мои деньги, и мне решать, на что их тратить! Помнишь, ты сказал, что я сама буду оплачивать свои капризы?

Невакцинированным оставили иллюзию свободы. Привившимся выдавали так называемый зеленый сертификат, те, кто не могли или не хотели ставить прививку, могли сдать ПЦР в аптеке, который действовал 48 часов. И конечно же, анализ был платным, и стоил 15 евро.

А бунтари, которые пытались ходить в места, где требовалась зеленая метка, быстро получали штраф в 400 евро, который почти никто не решался оспаривать. Мало кто решался тратиться на долгие и дорогостоящие судебные процессы.

Маргарита грустно улыбнулась.

Она привыкла оценивать свою жизнь в ПЦР-ах. Новые шорты — 2 ПЦР-а. Поход к парикмахеру — 4 ПЦР-а.

Прохудившиеся шорты, которые Марго протаскала пять лет, можно незаметно подлатать, а отросшую гриву затянуть в аккуратный хвост.

А ДжанМарко тем временем продолжал разоряться.

— Марго, ты же не можешь никуда выйти! не проще ли вакцинироваться? смотри, вакцинируются больные, старики, 80, 90 лет! А по твоей логике, можно бояться выйти на улицу!

— ДжанМарко, не путай божий дар с яичницей!

— Ты даже в ресторан не можешь пойти!

— А ты знаешь, что рестораторы протестуют? И уже давно? Что протесты прокатились по всей Европе, Франция, Греция, Ирландия?

— Так выходи протестовать, что ты стоишь? иди! протестуй против зелёного сертификата!

— ДжанМарко, подожди. То есть ты серьезно посылаешь меня на баррикады? Seriously?

А если меня потом посадят или забьют, ты сам сможешь вырастить детей, а?

Знаешь, когда в прошлом году тебя посадили в неоплачиваемый отпуск, я старалась тебя поддержать, я молча продала бабушкину камею. Когда ты решил меньше ездить в командировки, пусть это и сказалось на зарплате, я с тобой согласилась. Когда тебя корчило ночью от температуры под сорок после прививки, я не спала вместе с тобой.

а сейчас, я не прошу тебя со мной соглашаться, права я или нет, не прошу. Все, что я хотела бы от тебя услышать, "я понимаю твои страхи и уважаю твою позицию", а не этот террор!

Маргарита поставила мужу и детям ужин и вышла разбирать чемоданы приехавшего из командировки ДжанМарко. Из глаз сами по себе катились непрошеные горячие слезы.

Несделанный маникюр — 2 ПЦР'а.

Несделанная вакцина — вечные скандалы в семье.

Новостная хроника меж тем пестрела данными о новых смертях внешне здоровых людей. ДжанМарко чересчур громко гремел тарелками, укладывая посуду в посудомойку.

июль 21

-

Часть 3

Маргарита все же стала участницей протестов. Пусть и невольной.

День не задался с самого утра. Издательство, где работала Марго, зарубило все рисунки, им, видите ли, не понравилась "слишком классическая русалочка" в детских сказках! это сейчас не трендово!

Маргарита подумала, что если уж совсем не отходить от реальности, то существо, живущее в морских глубинах, вообще должно быть страшным и мерзким, как-никак, жить приходится в чернильных глубинах, ну уж совсем не политкорректным, чтоб их всех приподняло да хлопнуло.

Маргарита не успела выпить кофе. Она хотела было поставить кофеварку и приготовить себе бурлящий бодрящий напиток, но кофе кончился. Кончились паста, помидоры, курица и молоко. И любимые дочкины мармеладные мишки.

И ДжанМарко не сходил за продуктами, хотя и обещал. В последнее время муж стал часто задерживаться на работе. Девушка постаралась отогнать мысли о том, что у супруга мог появиться кто-то на стороне.

Марго вздохнула и полезла в приложение в телефоне, ее 48-часовой зелёный сертификат действовал еще день.

Поэтому хочешь не хочешь, а придется собираться в магазин. Как раз успеет вернуться, нарисовать политкорректную русалку, и забрать детей из школы.

В магазине какая-то бабулька устроила спектакль. Вроде, присмотришься к ней, бабка и бабка, потертые боты, цветастый наряд, несуразная куртка. И вот эта самая обычная на вид старушка вещала на весь магазин:

— Я — вакцинирована, мои родители вакцинированы! Надо всех вакцинировать, всех,

кошек, собак, младенцев!

Марго вспомнила идиотские статьи о том, как домашние любимцы являются переносчиками вируса, и как после этой писанины хозяева массово выкидывали своих питомцев, а те, кто "погуманнее" — отправлялись их усыплять. В другой день Маргарита обязательно смолчала бы и обязательно прошла бы мимо, но сегодня у нее все катилось кувырком.

— А как же смерти? Что вы скажете о людях, которые умерли после прививки?

Бабка посмотрела на Марго как на врага.

— Это все ПРОПАГАНДА! Вакцинируйтесь, вакцинируйтесь!

-

Тяжелые сумки оттягивали девушке руки. Марго вспомнила, что нужно зайти в аптеку. Возле библиотеки, которую украшал очередной модный постер на тему защиты угнетаемых, Марго подхватило людское море.

Марго не удержала пакеты, у нее рассыпались и разлились все продукты.

Девушка пыталась выбраться из людского месива, кричавшего во много глоток "Сво-боду!", "Ра-бо-ту!", Марго прижимала к себе сумку и искала выход. Ей удалось вылезти из толпы. Марго грустно оглянулась на затоптанные продукты, как вдруг она увидела упавшего пожилого человека.

— Его же затопчут! — ахнула Марго.

Девушка с трудом вытащила старика из толпы. За исключением помятой и испачканной одежды, казалось, пожилой человек не пострадал.

— С вами все в порядке?

— Да ничего, дочка, эх я, старый идиот, молодым себя возомнил!

— Точно? Хотите, куплю вам обезболивающее в аптеке?

— Да все хорошо, милая, все хорошо. Спасибо тебе, да хранит тебя Дева Мария.

Марго попрощалась, улыбнулась старику и пошла домой, через мост. Ей было очень жалко продукты, было жалко старуху в супермаркете. А еще Марго стало очень жалко себя. Она старалась, она честно старалась держаться все эти месяцы, старалась быть ласковой с мужем, окружала детей заботой и любовью, чтобы они не чувствовали творящегося вокруг безобразия.

Маленькой Люции Марго говорила, что это просто такая игра, маскарад наоборот, только в этот маскарад нужно играть хорошо-хорошо, и долго-долго, потом отменят все коды и они всей семьей поедут в парк развлечений, будут гулять, веселиться и посещать столько аттракционов, сколько им вздумается. Марго вдруг подумала, что Макс стал настоящим маленьким мужчиной, мальчик научился неплохо готовить, научился нехитрой домашней работе и вполне сможет позаботиться о сестре и о себе, если кто-то из родителей заболеет.

А что, если? Марго перегнулась через перила и всмотрелась в манившую ее водную гладь. Она устала, она просто зверски устала от полусвободного существования, от необходимости во всем себе отказывать, от горнила безжалостной системы. Вот оно, решение, нужно только перемахнуть через перила.

А Макс справится. Он взрослый и серьезный. Люция погорюет и забудет. ДжанМарко, кажется, уже себе кого-то нашел. Водная гладь звала и обещала успокоение.

Часть 4

Марго перекинула ногу через перила и смотрела, смотрела на хрустальные синие волны.

Ей вспоминались слова ДжанМарко: "Марго, я не понимаю, почему ты упираешься! это может длиться 20, 30 лет! ты все 20 лет будешь жить вот так?", вспоминались заголовки центральных изданий "В стране 17 млн невакцинированных, открыта охота".

Один очень умный политик, который к медицине имел такое же отношение, как и Марго, засветился во всех медиа с выступлениями: "Для невакцинированных нужно создать отдельные вагоны." Интересно, а дальше что?

Марго собралась прыгнуть в ждущую ее водную гладь, как вдруг кто-то больно схватил за шкуру и вытянул с моста. Давешний старик. Он что-то кричал, громко, страшно, но девушка его не слышала, он казался Марго персонажем из немого кино. Старик отвесил Марго пару пощечин.

— Ты что творишь, дура? что ты вытворяешь? Детей своих пожалей, кому они кроме тебя нужны будут?

— Откуда вы знаете, что у меня есть дети?

— Не похожа ты на профурсетку, те по акциям протеста не шатаются! Пойдем, пойдем.

Старик куда-то вел девушку, и привел в маленький уютный ресторанчик. Марго забыла, когда она в последний раз куда-то ходила вот так, просто, попить кофе, полистать прессу, посмотреть на людей. Марго вспомнила, как раньше любила такие вот кофепития, девушка наблюдалась за посетителями и вдохновлялась увиденным. Но сейчас она просто не имеет права подставлять человека, не давшего ей совершить непоправимое.

— Я... у меня нет зеленого сертификата. У Вас могут быть проблемы, мне наверное, лучше уйти, пока меня не засекала полиция.

— Сиди, я сказал. Ну переживу я пять дней закрытия, подумаешь. Ты будешь кофе с коньяком или глинтвейн?

Марго попросила кофе и сама не заметила, как рассказала своему спасителю всю нехитрую жизнь.

— Ну и чего ты удумала? Вот помяни мое слово, все это скоро кончится, и все мы хотя бы вздохнем. Посиди пока.

Через 5 минут старик вернулся с пачкой денег.

— На. Купишь детям мороженое.

— Вы что? Я не возьму ничего, зачем?

— Ты мне жизнь спасла, если помнишь.

— Вы мне тоже спасли.

— Послушай старого битого жизнью человека, дочка: эти бумажки не сыграют никакой роли, я не стану ни богаче, ни счастливее. А ты своди детвору куда-нибудь повеселиться.

Марго расплакалась и обняла старика.

— И ты заходи, если что, поняла?

Девушка закивала, не в силах вымолвить ни слова. На глаза у Марго наворачивались слезы и встал ком в горле.

— А теперь беги домой.

Марго снова вернулась за продуктами. Девушка докупила муки, взяла нежный томатный соус и аппетитную ветчину. Вечером Марго порадует домашних вкусной пиццей. Она слишком давно ничего не пекла.

Марго зашла с пакетами домой, думая, что сейчас разложит продукты, и успеет забрать детей из школы. Разбираться с заказом от издательства ей придется поздно вечером.

Марго ждал ДжанМарко.

— Ты чего так рано пришел? Что-то случилось?

□

Часть 5

ДжанМарко крепко прижал к себе Маргариту, а потом стал со всех сторон рассматривать.

— Как ты? с тобой все в порядке?

— Эй, ты чего? Да нормально все!

— Марго, мне часа три назад стало так...хреново, так страшно за тебя. Ребята потом мне сказали, что люди устроили протесты, что кого-то затоптали. Я решил, что с тобой что-то произошло и сорвался домой.

Маргарита перевела дух. Три часа назад она как раз хотела совершить непоправимое. Неужели она все-таки небезразлична мужу?

Тут девушка заметила две толстые пачки денег на столе.

— А по пути ты наверное решил ограбить банк, да, ДжанМарко?

Маргарита улыбнулась легкой и светлой улыбкой.

— Марго, я...я был такой мудака. Я набрал сверхурочных. Здесь все, что ты тратила на пщр-ы, а тут должно хватить на тесты на несколько месяцев, выходи хоть каждый день.

Иногда бывает очень трудно попросить прощения, "прости меня" может выражаться в поступках. Также как и любовь не должна выражаться в набивших всем оскомину словах. Иногда любовь это "надень шапку", "я приготовила тебе завтрак". Маргарита обняла супруга, поцеловала с благодарностью и радостно вздохнула. У Джанмарко нет никакой любовницы, да и на несколько месяцев она избавлена от дамоклового меча.

— Ой, — воскликнула Марго, — мы же за детьми опоздаем! ДжанМарко, раз уж ты пришел домой пораньше, давай Макса с Люцией заберем вместе.

Вечером у Маргариты получилась потрясающая пицца, пышная, ароматная, и невероятно аппетитная, прямо хоть рисуй ее.

И русалочка тоже вышла на загляденье — с прозрачной голубоватой кожей, иссиня-фиолетовыми волосами и изумрудными глазами. Издателю такая русалочка понравилась больше прежнего.

июль 21

5. Адель. Другое будущее

1.

Ночью в дом учительницы музыки влезли неприметные люди.

— Ты проводила нелегальные уроки с детьми. Ты знаешь, что по имперским законам музыка запрещена? Или может, ты хочешь, чтобы тебя и твоих детей чипировали без очереди?

Женщина клятвенно заверила, что не прикоснется к инструменту, и забудет нотную грамоту.

Такие же визиты нанесли известному певцу, который, несмотря на запреты, развлекал публику концертами в соцсетях. Музыканту, бывшему когда-то гордостью империи, сломали скрипку.

Постепенно всем артистам затыкали рты. Тем, кто пытался защищаться или возмущаться, обещали внеочередное чипирование. В империи постепенно искореняли всю музыку, а музыканты стали нищими.

2.

В чат повстанцев вошёл Юлий Цезарь.

— Все готовы к протестам? Сегодня окружаем здание телевидения — они вечно говорят, что мы сумасшедшие, нас мало и мы ничего не значим.

— Ну да, ну да, — согласно закивали нечипированные повстанцы.

— Помните, — продолжал Цезарь, — никакого насилия против полиции. Максимально мирное и дружелюбное поведение. Покажем этим продажным шкурам, что нас много и мы против чипизации.

3.

Адель захлопнула компьютер и вышла из чата.

Девушка заглянула в комнату к родителям: ее мать с отцом, как загипнотизированные, слушали один и тот же выпуск новостей о достоинствах чипизации. Адель проверяла, телевидение транслировало одинаковый выпуск вот уже несколько месяцев.

— Аделина-Мария, — женщина, которая обращалась к Адели, просто не могла быть ее матерью: засаленные волосы, дырявый халат, одутловатое лицо. — Когда ты в конце концов, пройдешь чипизацию? Чипизация делает нас свободными, данные с твоего чипа попадут в имперский банк данных. Ты станешь частью системы социального рейтинга. Ты сможешь обращаться за лечением и финансами, просто послав команду чи...

— Я знаю, мама, — ответила женщине Адель. — Я к Луке.

За все эти действия свободных чипированных людей с чип-счета снималась внушительная комиссия.

— Лука Масси — благонадёжный гражданин империи, — подал голос отец Адели, — пусть он расскажет тебе о достоинствах от чипизации.

— Хорошо-хорошо, — ответила девушка, и вышла.

Отец обязательно бы велел Аделине возвращаться не позже 11, а мать отчитала бы за "пацанский прикид": бесформенную толстовку и спортивные штаны, которые подошли бы какому-нибудь спортсмену. Адель проверила модулятор голоса и вышла.

4.

Адель ждал Лука, ее бывший сокурсник и верный друг. Лука знал, что Адель взяла

псевдоним Юлий Цезарь и помогал девушке во всех ее начинаниях.

Лука страдал редкой аллергией на металл, благодаря чему вживленный чип не прижился. Парень вовремя научился делать придурковатое лицо, орать гимны империи и славить чипизацию.

Когда началась чипизация, и часть населения радостно согласилась пользоваться благами цивилизации, разрозненные группы в сети делились теориями заговора, жаловались друг другу на несправедливость и на дурацкий соцрейтинг. Адель собрала отдельные группы интернет-страдальцев, и возглавила их.

Протестующие устраивали кортежи, громко кричали в мегафон, что чипизация превращает в овощи. Протестующие блокировали автотрассы и разговаривали с водителями и пассажирами. После акций протеста уровень чипизации снижался, что донельзя выводило из себя императора.

Сегодня Адель с повстанцами собирались попасть в здание телевидения. Бунтовщики должны были отвлечь охрану и привлечь внимание толпы. Лука вместе с демонстрантами громко кричали: "Чипам нет! Даёшь свободу!", а Адель собиралась перемахнуть через ограду.

Чипированная охрана с безучастными лицами охраняла вход в здание, но совсем не уделяла внимание заднему двору.

— Куда! — Адель схватил за шкурку какой-то амбал. — Куда прешь, пацан!

Аделина оглянулась — шкафообразный охранник внимательно изучал девушку. Адель включила модулятор голоса.

— Мужик, ты ж нечипированный? Ты знаешь, что следующими они будут чипировать детей? Новорожденных вообще хотят! У тебя дети есть?

— Пацан. — секьюрити вступил с Адель в диалог.

— Вот представь, он любит математику и ненавидит имперский, на нем горят штаны, он готов постоянно играть в футбол и терпеть не может суп. А потом твоего ребенка просто не станет. Ты получишь работа, которому будет все равно, что есть, что носить, он будет по команде ходить, повторять восхваления империи...

— Иди, — не выдержал охранник. — У тебя пять минут.

Журналюги сбежали в соседний ресторан, они вас боятся.

5.

Адель достала из рюкзака нано-флешку, один из повстанцев, задержавшийся в студии на подсобных работах, стащил для Аделины чистый накопитель.

Вечером вместо чипированной губастой ведущей в эфир вышла пустая студия.

Убедительный мужской голос вещал:

Посмотрите на этих людей, — на экране появились родители Адели, — это живые роботы. Даже хуже, зомби. За каждую платежную операцию, обращение в медицинский банк данных снимается комиссия. А еще эти люди — под действием чипа — выполняют простейшие команды, им не нужно часто мыться, они едят что попало, они давно забыли про книги. — Комментатор описывал каждое действие пары на экране.

Вы уверены, что чипизация сделает вас свободными? А потом, после того, как будут чипированы взрослые, они примутся за де...

— Эй, пацан, в дверь затарабанил давешний амбал. — Журналюги возвращаются!

Адель благодарно отсалютовала нежданному помощнику и скрылась. Вызванный наряд полиции разогнал протестующих.

Губастая журналистка на экране демонстрировала калейдоскоп эмоций. Ведущая возмущенно делилась эмоциями о злонамеренном и неуловимом Цезаре, даже не догадываясь, что правда и простое человеческое участие могут помочь в самых безнадежных случаях.

Цезарь вошел в чат.

6.

— Император высказал обеспокоенность действиями повстанцев по кличке Юрий Цезарь, из-за диверсионных актов неадекватных подростков темпы чипизации снова снизились.

— Мэр города Раух с прискорбием сообщает, что праздничный вечер, посвященный экспресс-чипизации с песнями, приглашенными музыкантами — был массово проигнорирован населением. Мэр призвал парламент выявить бунтовщиков и отправить их на принудительную смирительную терапию, полностью обнулив их соц. рейтинг. Парням с нулевым уровнем социальных баллов предоставляется возможность выживать самостоятельно.

— Подростков, ха! — прокомментировали статью в чате повстанцев.

Среди протестующих собрались медики, профессора, учёные, которых пресса упорно именовала горсткой подростков.

— Меня сейчас обнулят, — подала голос юная участница, — родители пригрозили, что если я еще раз пойду на демонстрацию, меня просто выкинут из дома.

— Меня давно обнулили, выкинули из офиса на подсобные работы.

— И мне рейтинг опустили ниже плинтуса, сказали, из секретарш техничкой пойду, если не чипируюсь.

— Так, отставить панику на борту! — подал голос Юлий Цезарь. — Кто может приютить девушку? С баллами мы разберемся.

-

В личке Цезаря ждало сообщение:

— Ты же понимаешь, что все это отвод глаз, все эти новости? Сначала тебе говорят, мы сломаем тебе две руки и ноги, будем долго ломать, больно. А потом хоп, тебе ломают только пальчик. Пальчик, смеешься ты, и думаешь, что это совсем не страшно.

Ты знаешь, что у них на очереди студенты? Потом до детей дойдут.

— Про детей я знаю. Что ты предлагаешь?

— Пусть они говорят о вас. Не так, как набежал злой народ, подразнил серьезных дядек, нет. Придумай, как выделиться.

7.

Адель захлопнула компьютер и стала собираться на работу. По утрам Аделина подметала улицы, так она получала необходимые минимальные очки соц. рейтинга.

Девушка привыкла к чипированным горожанам, которые нередко обступали ее и пытались запросить обмен данными с накладного чипа Адели. Жители нудно начинали читать Аделине лекции о прелестях чипизации, девушка односложно отвечала, а сама каждый раз думала, что уж лучше бы бросали окурки и бумажки, чем вот так, как зомби. Уж лучше бы ругались.

Адель хотела заскочить к старому Йохану. Торговец держал небольшую лавочку, и из-под полы продавал нечипированным продукты. Наживался, конечно, но яблоки у старика всегда были свежие и пахли солнечным лугом. Адель подумала, что сегодня обойдется

йогуртом.

Ее ждало разочарование. Старый Йохан грустно развел руками.

— Прости, Адель. Меня заставили.

В магазинчике Йохана сияли черными глянцевыми боками чип-терминалы.

— Иди к Порку, он сказал, что не поставит терминалы, даже если его четвертуют.

— Так Порк же ничего, кроме пива, не жалуется! Ладно, разберусь.

Адель обняла старика и пошла в клуб. По вечерам Аделина танцевала, она выучилась танцевать с огненными факелами, и теперь развлекала публику не очень безопасными танцами и трюками.

В дверях клуба Адель ждал Илай.

8.

Глядя на хитро улыбающегося работодателя, Аделина заподозрила неладное.

— Я уволена?

— Нет, моя козочка, публика требует зрелищ. Но твои поскакушки с огнем зрителям уже надоели. А станцуй-ка, моя газелька, голенькой, совсем как мама родила.

— Стриптиз, что ли?

— А это как твоей душеньке захочется.

Адель задумалась. Илай всегда щедро ей платил, никогда их сотрудничество не выходило за рабочие рамки. В конце концов, она моется голый. И на пляже купается тоже почти голый. Девушка затолкала подальше остатки гордости и буркнула:

— Хорошо. Но на моих условиях и ты мне за это дорого заплатишь.

— Договорились, моя павлиночка, договорились, ты сначала станцуй. Покажи публике свои ножки.

В последнее время в клуб к Илаю приходили все меньше посетителей. Ну танцует девчонка с огнем, ну трясет бородатая женщина бородой. Скука смертная, никакого огонька. Однако в успех Адели Илай не верил.

-

Темную сцену освещал одинокий луч света. Девушка стояла на краю сцены и казалось, она вот-вот упадет в объятия невидимого ночного любовника.

— Я бы хотела стать розовым кустом, чтобы ты почувствовал запах этой любви, я бы хотела превратиться в солнце, чтобы ты почувствовал мое тепло, — пел вкрадчивый женский голос. Адель летала по сцене, и раскрывалась навстречу невидимым объятиям, и в ее танце таилась нежность.

— Целуй меня, целуй меня в этот раз, верь мне, я больше не буду тебя искать, — пела девушка, и вместе с ней пело тело Адель.

Когда музыка смолкла, зал какое-то мгновение молчал, а потом разразился аплодисментами. Мужчина, сидевший у сцены, не отрывал горящего взгляда от щуплой фигурки. Так вот ты какой, Юлий Цезарь. Незнакомец давно разгадал главаря повстанцев.

— Рыбонька моя чешуехвостая, ты их покорила, — довольно подпрыгивал Илай, — в следующий раз повторишь.

— Заплати мне сначала, — Адель назвала цену.

Илай поморщился, но не стал спорить. А Адель сможет помочь баллами соц. рейтинга незадачливым повстанцам.

-

Чат разрывало от возмущений.

— Юлий Цезарь с повстанцами напали на журналиста! Несчастный имперский служащий достойно нес долг империи, и подвергся нападению неадекватных подростков.

9.

— Кто на кого напал? Признавайтесь! Что на протестах делал журналюга?

— Цезарь, да он влез к нам в чат месяц назад, прикинулся одним из наших, все выпрашивал.

— А мы ему не особо верили, потом он начал провоцировать наших парней, полез в драку.

— Мы помним, что ты говорил вести себя мирно. Я просто отодвинул это гуано.

— У нас и видео осталось!

— Да что ж вы раньше молчали, надо было в сеть слить!

— Эмм... Цезарь, понимаешь...

— Все дело в том, уважаемый Цезарь, — подал голос профессор антропологии, — что мы делимся аудио- и видеоматериалами с такими же единомышленниками, и в последнее время становится все труднее разделять точку зрения с новыми...

— Цезарь, да он хочет сказать, что у нас у всех соц. рейтинги на нуле! Нас забанили в соцсетях, все профили, даже фейковые.

— Я не могу больше ничего сливать, у меня и так соц. рейтинг близится к красной отметке.

— И я! И я!

— Я уже все слил, мне пох. Только журналюги правду не покажут, им отвалили нехилый куш.

— У кого напряженка с соц. баллами, напишите в личку.

-

Еще с прошлого раза Аделина запомнила, когда в студии отключали камеры слежения, да-да, на телевидении сэкономили ресурсы. Чипированная охрана спала стоя, а недавний знакомый Адель курил на крылечке.

— Эй, мужик, псст...

— Ты опять тут, пацан?

— Мужик, слышь, помоги, а. Пусти нанофлешку заменить, нас обвиняют в том, что мы журналюгу избили.

— Как я ненавижу эту братию. Заходи, пулей.

-

Утром, когда добросовестные сотрудники телестудии начали работу, по площади катался трактор, раскидывающий коровьи лепешки. На стене телестудии красовалась наспех сделанная кривая надпись: "ПРОДАЖНЫЕ!". Когда на площадь прибыл наряд имперской полиции, трактор уже укатил. С трактором помог Лука.

Нервничавший режиссер не проверил флешки перед запуском выпуска, и в эфир вышло видео, где журналист пытался избить одного из протестующих.

— Население демонстрирует критичные настроения и отказывается от массовой чипизации, подрывная деятельность банды бунтовщиков негативно влияет на кампанию. Полиция сообщает об интенсивно ведущемся расследовании. Помните, чипизация делает вас свободными.

10.

Адель пришла на работу в расстроенных чувствах. Сегодня, по дороге ее обступили

чипированные подростки. Накладной чип Аделины не смог запустить обмен данных, и мальчишки поняли, что девушка нечипированная. Они хором начали перечислять набившую оскомину прелести чипизации, стали монотонно бубнить, что Адель нарушает свой гражданский долг, что такие, как она, не дают империи ступить на путь цифровизации.

— Кому должна, всем прощаю, — буркнула на прощание Адель.

-

— Курочка моя яйценосная, — Илай в нетерпении потирал руки. — Публика тебя ждёт.

Адель постаралась отрешиться от мыслей и проблем, снова кинула ди-джею свою любимую композицию. Да, музыку запрещалось слушать, но кто будет проверять старый комп с выключенным интернетом, и девчонку без чипа.

Аделину ждала сцена. И невидимый хриплый мужской голос, который пел о нежности, о любви.

Я влюбился в тебя, потому что устал оставаться в одиночестве, я не могу думать ни о ком, кроме тебя, — пел давно забытый всеми певец, а Адель отвечала, Адель говорила танцем, да, она тоже любит, она отзывалась на невидимые ласки и дарила нежность в ответ.

И снова Аделину ждал гром аплодисментов. Взмыленную девушку в гримерке ждал Илай.

— Курочка моя неоципанная, у нас приват.

— Нет, Илай! Мы же договаривались, только и только танцы.

— Адель, — посерьезнел ее всегда придурковатый работодатель, — этот человек закатает нас с тобой в фибробетон, если ты откажешься. Просто танец. Он заплатил столько, сколько ты и за месяц не заработаешь.

Адель подумала, что Илай наверняка забрал себе половину заработка.

— Хорошо.

-

Мужской голос страдал о неразделенной любви.

— Как было бы прекрасно, если бы в этой жизни нашлось место для нас двоих, но об этом запрещено говорить и мечтать, запрещено смотреть на тебя, но я не могу не смотреть...

Адель вжилась в историю песни, отыгрывала историю неразделенной любви, ее тело плакало, горело запретной страстью... Человек, заказавший ее, наверняка ждал соблазна, а получил его обратную сторону.

Мужчина не отрываясь смотрел на девушку. Ее грациозное тело говорило о горечи, о надежде, о любви.

— Подойди.

Адель взмахом ладони включила галогран на стене. Девушка торопливо написала:

Нам запрещено разговаривать с клиентами. Надеюсь, Вам понравился мой танец.

Аделина выскользнула из комнаты. Мужчина усмехнулся, а она гордая, девчонка-Юлий Цезарь.

11.

Чат повстанцев разрывало сообщениями.

— С прискорбием сообщаем о трагическом самоубийстве Джозефа Донагана. Когда-то многообещающий ученый, которого могли бы прозвать отцом чипизации, отказался от кампании на первых этапах. Донаган ошибочно утверждал, что возможно использование неинвазивных чипов. К величайшему сожалению императора, доктор Донаган страдал расстройством нервной системы, недавно отказался от вживления чипа. Сегодня утром

Доганан был найден мертвым в своем доме.

— Я работал с Донаганом, — подал голос один медик. — Он никогда бы не покончил с собой. У него забрали его разработки. Если вам расскажут о моем самоубийстве, не верьте.

Еще два медика заявили, что не собираются совершать самоубийство, и просили не верить, если имперское ТВ сообщит об их добровольном уходе из жизни.

Выяснилось, что еще в нескольких странах медики, разрабатывавшие неинвазивные чипы, покончили с собой.

У Аделины был накладной чип разработки Донагана, чип, с разрешения пользователя подключался к мед. карте и платежным приложениям. Систему соц. рейтинга еще тогда не ввели, да и чип не позволял обмена данными по запросу пользователя. Самое главное, за любые операции чип Донагана не требовал никакой комиссии, к тому же производили его буквально из отходов киберпромышленности.

Накладной чип в любое время можно было снять, отключить или просто поменять.

Повстанцы продолжали бушевать, а в голове Адели родился новый план.

-

В личке Адель ждало сообщение.

— Цезарь, ты думаешь, ты чего-нибудь добьешься? Вас разделили на группы, демонизировали, превратили в изгоев, исключив из социальной жизни. Покажи им, что вас нужно бояться.

12.

На вокзале собирались чинные господа и дамы. Кто-то отправлялся на воды, кто-то прикрикивал на нерадивую горничную, забывшую болонку. В месте прибытия и отправления поездов бурлило обычное людское море.

Но сегодня людской гул отдавал тревожностью. Имперский экспресс, как мухи, облепили протестующие. В этот раз соратники Адели не кричали "Чипам нет!", не пытались добиться справедливости. Многие из протестующих держали плакаты.

"На чипизации наживаются банки"

"Накладные чипы Доганана можно снять, они не требуют комиссии".

Многие повстанцы держали плакаты с изображением детей до и после чипизации. Лука узнал, что в школе в бедном районе детей принудительно чипировали, а родителям об этом сообщили только после того, как чипы уже были вживлены подопытной детворе.

— Это Клаус, он любил гонять на велосипеде, и ненавидел брокколи. Это Клаус сейчас.

— Это Моника, и теперь у нее все время болит голова.

— Это Люсиль.

— Это Тобиас.

— Это Матеуш.

— Это Кларисса.

Каждый плакат изображал ребенка, с кратким описанием и фото "до" и "после" чипизации.

— Вы уверены, что чипизация сделает вас свободными? — вещала в мегафон мужским голосом Адель. — Сегодня они насильно чипировали детей в бедняцкой школе, а завтра доберутся до ваших детей.

Полиция в этот раз не стала разгонять протестующих и освобождать путь поезду. Стражи правопорядка сняли картузы и молча слушали Адель.

-

Аделина спешила на работу, и злые слезы лились у нее из глаз. Все ее попытки предотвратить чипизацию — бесполезны. Незнакомец из чата прав, все, что они делают, похоже на игру кошки с мышкой.

— Черепашечка моя, ты опаздываешь.

— Будут тебе танцы, Илай, — буркнула Адель.

-

— Баю-бай, засыпай, — проникновенно пела неведомая женщина, — скоро придет твой отец, принесет тебе тыквенные семечки, розмарин и базилик...

Адель горевала, вновь и вновь отдавалась музыке, которая помогала ее телу, ее душе выражать эмоции. В ее танце отсутствовал соблазн, он будил что-то неведомое, искреннее. Так лесная нимфа могла приветствовать путника и пугливо прятаться в чащобе, так весталки могли славить танцами священный огонь. Адель и была огнем. Адель была матерью. Адель была каждым из этих детей.

Клаус. Моника. Люсиль. Тобиас. Кларисса. Матеуш. В полку живых роботов прибыло.

— Баю бай, придет твой отец, принесет тебе тыквенные семечки, розмарин и базилик...

13.

Адель с Лукой решили взломать биллборды. Навязчивая реклама, постоянно демонстрирующая мнимую свободу с чипом — сброшенные медицинские маски, моментальный обмен данными, соц. рейтинг, демонстрирующий счастливых граждан.

Тем, у кого соц. рейтинг взлетал до небес, империя выдавала призы — новую, более современную модель чипа, маленький недорогой автомобильчик, которым, да, тоже мог управлять чип.

Только вот высот рейтингов не достигал практически никто, а если кто-то и становился самым рейтинговым гражданином, то почти всегда оказывалось, что счастливчик состоял в родстве с организаторами конкурсов.

Вместо обманчивой рекламы на биллбордах появлялись графики с прибылью банков, компаний, производящих чипы. Появлялись фото детей после чипизации и фото Донагана.

Адель последовала совету незнакомца и вооружила повстанцев плакатами. В этот раз протестующие вышли к зданию Парламента, куда должен был прибыть император, чтобы торжественно открыть законодательную сессию.

Повстанцы облепили кортеж и встали с плакатами *Чипам нет!" "Руки прочь от детей!" "Зачем банкам столько денег?"

Адель руководила движением кортежа с севера, Лука — с юга. В этот раз полиция не стала проявлять солидарность с протестующими. Стражи порядка пользовались дубинками и слезоточивым газом.

Люди, однако, и не думали сдаваться. Лука увидел, как Аделину, громко оравшую мужским голосом (слава тому же модулятору!) обступили стражи порядка. Лука кинулся в гущу толпы, и не обратил внимания, как с него слетел капюшон.

Император, чей бронированный лимузин все же въехал в здание парламента, смотрел за спектаклем с балкона. Монарх недовольно поморщился, задал вопрос своему помощнику, и через мгновение властителю принесли небольшой пульт, на который правитель снисходительно нажал.

Идентификационный код ха.cb.18.25.48. exN, — прогремел металлический голос.

Лука скорчился в муках, как от удара электрокомом.

14.

Уходим, — Адель и ещё несколько человек схватили Луку и убежали с площади. Остальным повстанцам тоже удалось скрыться. На площади остались мерцать матовым светом взломанные билл-борды, транслирующие фото чипированных детей.

Два медика, примкнувшие к повстанцам ещё в самом начале борьбы, обработали ожоги и сделали массаж сердца. Адель вызвала скорую и заплатила штраф за участие Луки в протестах собственными баллами соц. рейтинга — полиции удалось идентифицировать лицо ее друга.

-

С величайшим прискорбием сообщаем, что кампания по окончательной цифровизации империи провалилась. Банда подростков устраивает диверсионные акции, снабжает специально созданными заведомо ложными данными. Восприимчивое население верит фейковым новостям. Поэтому император складывает с себя полномочия управлением страной и вводит военную диктатуру. Монарх решил отправиться на воды.

-

— Слушай, ты, большая шишка, написала сообщение в личку Адель. — Ты знаешь, что моего друга сегодня чуть не убили? Мы люди, а не алгоритмы! Мы не коды! Ты знаешь, что все, что мы делаем, бесполезно? Если ты знаешь правду, то скажи, не нужно пичкать меня теориями по управлению толпой!

— Хорошо, — пришел ответ через несколько минут. — Мне с самого начала не нравились такие игры и вот это вот все. Я помогу тебе. За поцелуй.

— Ты чё? — разозлилась Адель. — Я тебе не пидор.

— Аделина-Мария Гран-Раж, я каждый вечер прихожу смотреть, как ты танцуешь. Согласись, поцелуй, это скромная плата за то, чтобы узнать правду.

15.

Ты так для меня хороша, ты все, что у меня есть, ты все, что мне нужно, — пел бархатный, обволакивающий мужской голос. — Разве ты не видишь, насколько ты прекрасна в моих глазах?

Адель танцевала с закрытыми глазами. На какое-то мгновение она позволила себе увлечься музыкой, девушка поверила в призрачную иллюзию, отдавалась невидимому мужчине. Они живут в мире без чипов, мужчина обнимает ее, и их ждёт незабываемая ночь.

Зал, не отрывая взгляда, следил за танцующей девчонкой. Адель не стала дожидаться аплодисментов и юркнула в гримёрку.

Она должна узнать правду. Глядя на незваного и нежданного гостя, Аделина поняла, что он ей нравится. Начиная сесть смоляная шевелюра, внимательные серые глаза, римский нос, тонкие губы, в чьих уголках подрагивала лукавая улыбка.

— Привет, Адель.

— Привет. Как тебя зовут?

— Гордей.

Ее собеседник ждал. Адель привсталала на цыпочки, и вложила в поцелуй всю нежность, надежду, всю усталость и горечь. Девушка совсем не ожидала, что мужчина ей ответит. На плечи Аделины опустился пахнувший морем пиджак.

— Нейроинтерфейс инвазивных чипов был разработан с целью подавления человеческих эмоций. Человек, подавая мысленную команду чипу, тем самым одновременно приводит организм в состояние резонанса, что в дальнейшем может вызвать разные поражения органов, — начал незнакомец. — Ты не задумывалась, почему с началом

чипизации в империи сразу же запретили музыку? Музыка гармонизирует работу полушарий мозга, подавляет частоты чипов, которые ухудшают нейропластичность, способность мозга формировать нейронные связи.

— То есть, — неверяще прошептала Адель.

Да, — широко улыбнулся ей Гордей. — Тебе нужно просто включить музыку.

Так просто! — обрадованная девушка чмокнула растерявшегося мужчину в щеку и полетела домой.

Родители Аделины слушали один и тот же выпуск о прелестях чипизации. Адель притащила в комнату ноут и включила грустного Шопена, которого потом сменил игривый Вивальди, весёлый Моцарт...

Через полчаса родители впервые за много месяцев посмотрели на Адель осмысленным взглядом, а на диване, рядом с ними черными кучками дымились чичипы.

— Батюшки! — ахнула мать Аделины. — На кого я стала похожа. Что со мной? Этот халат ... я же для уборки использовала, а ты, мой дорогой отрастил пивное пузо. А в новостях, что это за ужасные новости такие? Это что, шутка такая?

— Мам, пап, — Адель чуть не плакала от радости. — Вас чипировали.

Девушка сбивчиво рассказала о событиях последних месяцев. Адель не стала упоминать о своем участии в протестах, но не упомянуть детей не могла.

Отец Аделины гневно сжимал кулаки.

— Мать, где мое охотничье ружье? Пора некоторым задницы продырявить! Ишь чё решили, в людей свои железки запихать. В детей!

— Пап, куда ходить не надо, все наладится.

— Кой-куда тебе надо сходить, сходи-ка, милый, побрейся.

Адель была несказанно счастлива услышать привычные пикировки родителей.

Вечером Адель вышла в чат. Девушка радостно вслушивалась в гудение пылесоса, и мерный стук молотка — мама взялась за уборку, а отец что-то чинил и мастерил.

— Кто из вас занимался музыкой?

— Я когда-то преподавала сольфеджио, они обещали прибить мою собачку.

— Мне сломали компьютер, и запретили давать концерты онлайн.

— А я попал на штраф за метал.

Аделина запостила видео со своими родителями-повстанцы наблюдали, как два немолодых человека буквально просыпаются, а чипы на их руках осыпаются чернильной кучкой. Девушка рассказала в двух словах, как музыка подавляет рабочие частоты чипа.

-

Утром империя проснулась, за ночь осыпались чипы у всего чипированного населения. Адель не с удивлением, нет, а с осознанием того, что это и следовало ожидать — узнала в генерале, который принял на себя управление страной, Гордея. Генерала Волкова сопровождала изысканная женщина, а Аделина с грустью вспоминала темный кабинет, пахнувший морскими просторами пиджак...и тёплые мужские губы. Генерал за короткий срок восстановил работу страны: открылись школы, институты, музеи, магазины. Илай открыл официальную дискотеку, быстро завоевавшую популярность в городе.

Он приглашал танцевать и Адель, но девушка отказалась. Оказалось, Аделине слишком больно вспоминать Гордея.

Адель с Лукой вернулись в университет, и ещё Аделина осуществила свою мечту: по вечерам она вела кружок танцев для девочек. Вот и сегодня Адель учила своих подопечных

искусству раскрывать себя в танце.

— Смотри, — Адель показывала нехитрые движения. — Расскажи в танце то, что ты чувствуешь. Девушка закрыла глаза и сделала изящный пируэт. Ученицы с восторгом за ней наблюдали. — И ты сможешь точно также.

— А меня научишь танцевать? — В дверях стоял Гордей.

— Супруга против не будет?

— Это моя сестра, — улыбнулся Волков, и Адель засияла улыбкой ему в ответ. Кто знает, может у них с Гордеем все только начинается.

Июль — сентябрь 21

6. Эльза из Вальдхайма

1.

Сегодня вечером ко мне придет мужчина. Он всегда осматривает меня, крутит в разные стороны, будто бы проверяет, насколько я цела.

А потом целует, жадно, голодно, настойчиво, его руки сжимают меня, крепко-крепко, он будто бы хочет уберечь, укрыть в своих сильных руках. Он впечатывается в мое нутро, алчно, ненасытно, а потом, излившись, затихает. Благодарно зацеловывает лицо, еле слышно шепчет, майн энгел, майн херц.

Я не знаю, как его зовут. Знаю только, что незнакомец щедр и каждый его приход дарит мне столь желанную передышку.

Но, пожалуй, обо всем по порядку. Я — Эльза из Вальдхайма, живу в нашем заброшенном отеле вместе со старой Беатой. И я непривитая.

2.

Все началось десять лет назад, осенью 2019 года. Новостная хроника привычно раздражала негативным попури с разных концов света, и известие о китайском вирусе никто не принял всерьез.

Наоборот, правительство ломанулось устраивать вечеринки, отдельные яро толерантные политики кинулись обнимать китайцев на публику, и запустили в соц. сети хэштег #обнимикитайца. Китаю подарили миллионы масок.

А потом люди стали умирать. На свет божий выплыли данные о чудовищных медицинских циркулярах, когда, имея ограниченное число мест в отделениях интенсивной терапии, медики решали, кого оставить жить.

Выбор часто делался не в пользу чьей-то бабушки или чьего-то дедушки, которые помогали тянуть семью, воспитывали внуков, знали легенды про фей и горных духов, которые платили налоги и всю жизнь честным трудом строили государство.

Беата, когда прочла эти новости, перестала ходить к врачам, разве что, в порядке исключения, иногда навещала зубного. Оказалось, что вирус есть. Оказалось, что масок днем с огнем не сыскать, а бутылка дезинфектанта прежде малоизвестного заводика сравнялась с запредельной стоимостью шампанского в 200 евро. Оказалось, что были закуплены миллионы масок, которые так и не доставили.

Трагичное правительство с экранов повелело всем носить маски, соблюдать дистанцию, закрыло фабрики, школы, непродуктивные магазины, рестораны и отели.

Мы с Беатой решили, что не будем продавать отель. Мы приходили в монастырскую столовую, отец Алоиз наливал нам наваристого супа, по воскресеньям выдавал кренделя, и каждый раз велел молиться, восхваляя милость Всевышнего.

Мне было 17, я заканчивала четвертый класс старшей школы, и каждый раз после этих напутствий мне хотелось сказать отцу Алоизу, что ни один Господь не дает таких испытаний своим чадам. Суп вставал в горле комом, но я все равно продолжала есть.

Беата сняла похоронные деньги, всеми правдами и неправдами выбила нам лицензию на сбор лесных даров, мы собирали с ней лисички, черную и красную смородину, дикую землянику.

Я нанялась чистить коровник в ближайшей ферме, хозяин взамен давал немного денег и свежего молока. Молоко пахло травами и надеждой.

Мы не могли встречаться и с Дитрихом. В 2020 было запрещено видеться даже с близкими родственниками. Дитрих не унывал, слал мне смешные картинки в вотсап и голосовые.

Каждое воскресенье курьер приносил от него посылку: ароматные сосиски, кнедлики, колбасу из оленины, и свежайший хлеб. Дитрих знал, что я не возьму у него ни цента.

3.

Дитрих давно погиб в каменоломнях. А еще раньше он предал меня. Я делаю вид, что живу ради Беаты, а Беата говорит, что живет ради меня.

Потом, зимой 21 года пришли вакцины. Любой медик раньше бы сказал, что в пандемию прививаться нельзя, да и минимальный срок испытаний не должен быть меньше 5 лет.

Новые вакцины содержали в себе ген xNrA, и, как выяснилось впоследствии, наночип.

Тогда мы с Беатой не придали должного значения всем происходящим смертям. Медики говорили, "никакой связи". У совсем молодых и здоровых людей нередко диагностировали "внезапную лейкемию", "скрытую сердечную недостаточность, перикардиты, миокардиты", и об этом замалчивалось. Тех же служителей Гиппократы, кто рискнул открыть рот, увольняли с позором.

Помню, Беата тогда сказала, если тебе что-то дают бесплатно, то это неспроста, а если навязывают, то неспроста тем более.

Отелям разрешили открыться, и мы радовались тому, что можем снова начать работать. Нам пришлось закупать дезинфицирующие средства в промышленных масштабах, убрать столики в ресторане — выдерживать дистанцию в 1,5 метра.

Наши прежние постояльцы вернулись почти сразу же после разрешения отелям работать. Мы с радушием встречали многодетные семьи, молодые пары, пожилых людей со множеством собак.

Я каждый день убирала номера, расставляла на столиках веточки лаванды, и верила, что все прошло, и дальше нас с Беатой ждёт только светлое будущее. Мне оставалось закончить два класса старшей школы, и потом я хотела отправиться учиться отельному делу. Я мечтала, что наш маленький отель расширится, и мы станем известны за пределами страны, превратимся в сеть отелей.

По утрам ко мне приходит рыжая белка. Я делюсь с ней крошками от круассана, в те годы я поверяла ей свои надежды. А сейчас я рассказываю ей о своей тоске, не хочу расстраивать Беату. Я сказала ей, что работаю прислугой.

4.

Мы наконец могли видеться с Дитрихом. Больше нельзя было обниматься на улицах, все люди вынужденно носили маски даже на улицах. Мы с Дитрихом искали укромные местечки, стягивали с себя ненавистные намордники, и упоенно целовались. Наши поцелуи отдавали надеждой и верой.

Беата отпускала меня вечером пораньше, собирала рюкзак с нехитрой едой. Мы с Дитрихом отправлялись в лес, или к горному озеру — прозрачному, как стекло, и ледяному, как верхушки гор.

Мы обнимались, смотрели, как коровы пасутся на лугах, иногда мелькали белки или лисы. Дитрих тоже собирался в университет, он хотел стать инженером, как и его родители.

А тем временем над нашими беззаботными головами сгустились тучи.

5.

Мой первый мужчина едва меня не задушил, не успела я раздеться, как он принялся меня душить и орал: ты непривитая, ты непривитая! Страшно подумать, что было бы, не дотянись я до тревожной кнопки. Ульрих выкинул этого наглеца, а Илзе слупила с него штраф.

Следующий гость демонстрировал ужасные бордово-синие пятна и, видя невольную брезгливость на моем лице, просил его гладить, гладить по всему обезображенному телу.

Еще один признался, что ничего уже не может, и требовал, чтобы я помогала ему руками.

Первое время я приходила затемно домой, и никак не могла отмыться. Стояла под душем часами, терла себя, терла.

В конце месяца Беата молча оплачивала астрономические счета за воду. Мне кажется, она все понимала.

-

Тогда, в 2019, мы пережили кошмарную зиму.

— Живи, Эльза, — говорила мне Беата, — живи, даже если останешься без гроша. Судьба всегда даст тебе шанс.

Та зима стала сезоном самоубийств. Люди не выдерживали локдауна, не выдерживали безденежья, не выдерживали патетических речей с экранов — "потерпите две недели ради всеобщего блага". Потом еще две. Потом еще и еще.

Не удивительно, что люди сводили счеты с жизнью.

Молодой бармен кинулся под колеса поезда. Владелец небольшой обувной фабрики повесился в собственном гараже. Мать семейства выбросилась из окна.

— Живи, Эльза, — говорила мне Беата, читая очередной случай "редкого самоубийства" в хронике. Живи, не смотря ни на что.

Зимой 2019 у нас не было денег даже на свечки. Мы молились с Беатой Пресветлой Богородице за всех несчастных, пекли пироги на продажу, ждали весны, когда сможем собирать килограммами смородину, землянику, лисички. Мы желали спасти наш отель, наш Вальдхайм.

-

Сейчас Беата совсем сдала. Вчера я принесла домой продукты — пачку пасты, молоко, баварские сосиски, то немногое, что можно купить без чипов, она внимательно посмотрела на меня, грустно качая белой как снег головой.

— Живи, Эльза, живи, несмотря ни на что.

6.

Летом 21 мне исполнилось 19 лет. Мы с Беатой за два года открытий-закрывтий давно проели те деньги, которые откладывали на поступление в институт, решили, что будем работать и постепенно накопим на мою учебу.

В мой день рождения Дитрих пригласил меня встретить закат на вершине горы. Дитрих заплатил за подъемник, мы не стали накрываться крышкой, я смотрела, как у меня под ногами проплывают луга, кроны деревьев, слышала белок, пищащих как сломанные детские игрушки, и с восторгом смотрела, как мы приближаемся к вершине горы.

Дитрих снял столик в небольшом ресторанчике, на самой вершине мира. Мы пили обжигающий глинтвейн и любовались горами, распятием, ждущим паломников на соседнем холме, любовались парашютистами, чьи разноцветные парашюты напоминали радугу.

Мы верили, что все обязательно наладится, привьют всех пожилых людей, и можно

будет жить, как прежде.

Беата всегда говорила, ты слушаешься, надеясь, что все закончится, но именно потому что ты слушаешься, не заканчивается ничего.

Мы не знали, что как прежде уже не будет, и что эта осень станет точкой невозврата.

Когда все началось? Какой камешек вызвал лавину?

Прививочная кампания шла не такими темпами, как бы того хотелось нашему правительству.

Люди, всецело верящие в медицину, шли прививаться, многие падали как подкошенные прямо в хабах, многие обзаводились неприятными и болезненными побочками, которые значительно сокращали срок жизни и превращали здоровых молодых людей — тех же спортсменов — в инвалидов.

Подросткам обещали мороженое за прививку (плохие дядьки с конфетками вышли на новый уровень), пожилым бесплатные анализы, молодежи ночь в клубе или абонемент в спортзал. По нашему краю циркулировал автобус, который обещал привить без записи.

На пресс-конференции премьер, похожий на коршуна, во всеуслышание заявил: Непривитые умрут.

Его слова стали лавиной, которая сбила нас с ног. Его слова разделили людей на два лагеря, заставив простых смертных воевать между собой.

Буквально через несколько дней сеть заполнили высказывания политиков: непривитым нужны отдельные вагоны, за отказниками обещали прислать полицию, непривитых именитые вирусологи откровенно сравнивали с крысами.

Люди рассорились. В семьях начались раздоры, друзья стали избегать тех, кто не сделал прививку.

Но все это были еще цветочки. Население сопротивлялось, и правительство в августе ввело так называемые зеленые сертификаты, подтверждающие, привился человек или нет. По пропускам разрешалось ходить в музеи, кино, выставки, ярмарки, находиться в помещениях в ресторанах, в спортзалах.

Отели зеленые пропуска миновали. Постояльцы спрашивали нас с Беатой, как им быть, если приехали в горы отдыхать, а тут пропуска эти вводят? Куда пойти, и что делать? Вчера вон беременную женщину оставили на улице, в жару, не разрешили зайти в бар, попить воды.

Беата на такие вопросы улыбалась, и мягко подсказывала адреса тех заведений, где пропуска не спрашивают, предлагала собрать пакеты с едой из отеля (я заворачивала бутерброды многим нашим гостям), говорила, что вместо музеев можно сходить в парк динозавров или на ферму.

Все эти меры, призванные обеспечивать всеобщую вакцинацию, привели к дальнейшему расслоению общества. Помните, у римлян был такой девиз — разделяй и властвуй?

Продолжение следует

7.

Мой сегодняшний гость страдал одышкой. Дорогая рубашка не отличалась свежестью, одутловатое лицо мужчины неприятно краснело.

— Чего встала? раздевай!

Мужчина развалился на кровати, будто какой-нибудь персидский шах. Я натянула привычную улыбку. Нам нельзя показывать, что мы предпочитаем кого-то больше, а кого-то

меньше. Я знаю, что моя соседка, бывшая учительница, которая противилась этой работе, попала в шахту.

Иногда мне тоже хотелось в шахту, чтобы ее узкое квадратное горло, ведущее под землю, поглотило меня, и я заснула бы рядом с Дитрихом. А потом я вспоминаю, что у меня Беата.

Каждое утро Беата говорит: — Как хорошо, что ты у меня есть, Эльза. Без тебя мне не нужен величайший дар жизни.

Я вспоминала свою незадачливую товарку и раздевала лениво развалившегося гостя. Мужчина отпускал неприятные комментарии, а потом велел мне встать на четвереньки.

Не успела я исполнить пожелание гостя, как он забился в конвульсиях, и его начало рвать кровью.

Появившийся охранник, Ульрих, велел мне убираться, а потом буркнул:

— Невезучая ты, Эльза. Благодарю судьбу, что тут камеры, иначе бы тебя обвинили в его смерти. Надо же, еле дышит, а туда же, по бабам!

-

Я все думаю, почему мы не сопротивлялись? Мы думали, это всего лишь еще один шаг. Еще одна мера. А потом все обязательно будет хорошо.

Сначала нам обозначили проблему. Потом нас разделили. Потом нас выгнали из школ, университетов и больниц. Потом нас начали лишать всего необходимого.

Мы не верили самым невероятным сценариям, считали, что это теории заговора, сумасшедшие откровения людей, тронувшихся умом из-за длительного локдауна и безденежья, а на самом деле самым невыносимым, самым безумным сценарием и была правда.

Зимой 21–22 годов у нас отменили лыжный сезон. Слишком опасно, — трубили звездные вирусологи из каждого утюга. — В стране 20 миллионов непривитых, включая детей, мы не можем подвергать население опасности.

Это значило, что Вальдхайм будет стоять.

Помощи от Дитриха тоже ждать не приходилось. Он поступил на инженерный факультет, его родители приняли его решение, и поддержали — Дитрих собирался сдавать тесты на наличие вируса каждые 48 часов, и такой вот ценой он сохранит свою свободу. Дитрих мечтал строить умные дома по энергосберегающим технологиям, мы созванивались с ним каждый вечер, он взахлеб делился студенческими новостями.

А я с нетерпением ждала выходных, мы гуляли с Дитрихом по заснеженным улочкам, пили горячий какао из термоса, и говорили, говорили, говорили, и надеялись на лучшее.

Когда стало ясно окончательно, что зимой не придется ждать постояльцев, мы с Беатой накрыли чехлами мебель, засучили рукава и принялись готовить. Беата пекла умопомрачительные штрудели, аппетитный шоколадный Захер, ароматный гречневый пирог с вареньем из красной смородины.

Мне же лучше удавались шютцкрапфен — вареники с начинкой из шпината и рикотты, маленькие шпатцли — вытянутые картофельные клецки со шпинатом. А потом я развозила заказы на стареньком пикапе.

Так мы и жили — зимой готовили на вынос, весной и до поздней осени собирали дары леса.

Беата больше не смотрела телевизор, она отменила подписку и на любимый женский журнал. Вместо схем по вязанию, сплетен о киноактерах и простых рецептов, там стали

печатать интервью церковников и телемедиков, говорящих о том, что прививка это акт любви к ближнему. Страницы журнала пестрели призывами прививать генной прививкой беременных женщин.

Я до сих пор помню, как первый экземпляр испортившегося журнала полетел в камин. Насильственный акт любви это изнасилование.

8.

Лето 22 поразило страшной засухой. Горели леса, которые никак не могли потушить. Из выжженной травы, которая еще в прошлом году была похожа на изумрудный ковер, не сложат стогов сена, а значит, скоту будет нечего есть.

Казалось, по земле прошлась преждевременная осень, которая опаляла всех своим зловонным обжигающим дыханием.

Вальдхайм был полон гостей. Люди говорили: "у нас дома вообще жара зашкаливает за 40, а у вас хоть можно укрыться в уцелевших лесах, на горных пиках".

Несмотря на бешеную инфляцию, мы с Беатой старались не повышать цен. Беата была вынуждена повесить табличку "Не забывайте зелёный пропуск", а потом однажды она смачно выругалась и вынесла все-все столы во двор, фактически обходя дискриминирующий закон.

Мы с ней убрали детские домики и аттракционы, максимально расширив территорию ресторана. Постояльцы, глядя на наши перестановки, одобрительно улыбались, а для гостей у нас детворы я накупила раскрасок и всяких игр.

Каждое воскресенье, когда у нас с Беатой был официальный выходной, она ходила в приют для животных. Я наводила порядок, и надеялась, что придет Дитрих.

На каникулах он отправился в Испанию вместе с компанией друзей, а я ждала от него звонка. В последнее время Дитрих звонил все реже, и все меньше рассказывал о своей жизни, да и моими делами не очень интересовался.

То воскресенье останется в моей памяти как одно из самых чудовищных. Беата отправилась в приют для животных, как всегда, понесла с собой корм, кое-какую небольшую сумму. Я ждала ее с рассказами о питомцах, думала, хоть какое-то радостное событие скрасит мой выходной. Без Дитриха не хотелось никуда выходить, съездила в магазин за продуктами, и ладно.

Беата вернулась через пару часов сама не своя. По ее щекам катились слезы. Я никогда не видела ее плачущей, даже когда моя непутёвая мамашка подкинула меня пятилетнюю своей тётке, Беате.

А сейчас Беата плакала.

— Что случилось?

— Эльза, они застрелили всех собак! Всех! И даже не похоронили, мы нашли их... в вольерах! За что, Эльза? За что?

Захлебываясь слезами, Беата говорила о постановлении Чрезвычайной комиссии по регулировке санитарной ситуации. Оказывается, волонтеры проводили слишком много времени в собачьем приюте, в непозволительно замкнутом пространстве. А животные таким образом стали разносчиками вируса.

Беата вспоминала милых беспородных псов, маленького пекинесика, за которым вот-вот должна была прийти новая хозяйка, старую добрую овчарку, бульдожку с перебитой лапкой, капризную пуделиху...

Я обнимала ее, гладила по волосам, и не знала, что сказать. Впервые сильная,

язвительная, жесткая Беата показала, насколько она на самом деле незащищена.

9.

Сегодня он пришел опять. Обнял меня, прижал к себе, вдохнул запах моих волос, и начал целовать, нежно-нежно, и его поцелуи согревали душу. Я отвечала ему, ведь это был единственный мужчина, с кем мне не хотелось притворяться. И пусть потом окажется, что я ошибусь, пусть. Иногда так хочется обмануться.

Мужчина блаженно выдохнул только тогда, когда довел меня до состояния сладкой неги.

— Я останусь на всю ночь. Ты не будешь возражать, если мы будем просто спать?

— Камеры, — я показала ему, где Ульрих спрятал отслеживающие устройства.

Мужчина встал с постели, что-то бросил в трубку Илзе.

— Все, на сегодня камер нет. Я Конрад, кстати.

— Я Эльза. Можно мне позвонить... пожалуйста?

— Делай все, что хочешь, — улыбнулся мужчина.

Я отправила короткое сообщение Беате: "Сегодня в ночную смену мне удастся даже поспать". Я по-прежнему говорю тетке, что работаю ночной прислугой в фешенебельном клубе.

Почти сразу пришел ответ: "Тогда и я спать пойду".

Конрад подгрел меня под себя, будто плюшевого медвежонка, и негромко проговорил:

— Эльза, хочешь я вытащу тебя отсюда? Я могу тебе как-то помочь?

— У меня все хорошо. Давайте спать.

Я давно перестала верить в мужскую искренность. Проваливаясь в сон, я слышала, как Конрад шептал: майн либе, майн таубе.

-

Осенью 22 года я увидела Дитриха в нашем городке. Мой, как я наивно продолжала верить, молодой человек, целовал хорошенькую пухленькую блондиночку. Без маски.

— Дитрих, — окликнула я его.

— Эльза, — скорчился мой (мой ли?) любимый в болезненной гримасе. — Лена, оставь нас.

Я хотела было подойти ближе, как Дитрих предупреждающе вытянул вперед руку.

— Не подходи, ты непривитая.

— Что? Ты же тоже не сделал прививку.

— Скажи ей, — ткнула Дитриха в бок Лена, которая и не думала никуда уходить — скажи ей.

— Я сделал прививку. Нам больше не пути.

— Что...как? Мы же... Ты же...

— Я устал, Эльза. Понимаешь, я просто устал. На меня все смотрели как на дебила, тыкали пальцем, злобно ржали за спиной.

В парке развлечений мне дали красный браслет, всем белый, а мне красный, как какому-то заразному!

Я даже друзей не мог завести! С девушкой переспать!

— Дитрих, мы же договорились ждать свадьбы. Помнишь, мы же хотели устроить все, как у твоих родителей, в старой часовне...

— Эльза, я живой. Я хочу целовать девчонок, трахать их. Я хочу ходить в кино, на дискотеки, в музеи, в конце концов! Я хочу пить кофе в кафешках с друзьями, выбираться

смотреть футбол! А так, как живёшь ты, это не жизнь! Ну подумаешь, после прививки бывает миокардит, он быстро лечится. Свобода важнее!

— Да что ты с ней разговариваешь, с грязной крысой. Пусть продолжает и дальше убирать свой коровник! Все, Дит, ты нормальный, она крыса. И не вздумай искать его, поняла? — Лена схватила Дитриха цепкими пальчиками и повела в сторону ресторана. Парень даже не оглянулся.

Я с болью осознала, что Дитрих ей обо мне рассказывал. Тогда мне казалось, что у меня вырвали сердце, но я и подумать не могла, что через несколько лет мой бывший любимый причинит мне куда большую боль.

С легкой руки, или вернее, с гадкого языка телевизионного вирусолога (кое-кто говорил, что он на самом деле ветеринар), непривитых называли крысами.

Дома Беата сразу все поняла.

— Уу, какое лицо опрокинутое. Я испекла твой любимый кухен с повидлом. Нет такой боли, от которой не могла бы излечить добрая выпечка.

10.

Туристический сезон 23 года не радовал. Людям запретили ездить на междугородних поездах и автобусах без зелёных пропусков, полиция, да что там, полки оцепили транспортные узлы и требовали с каждого входящего зелёный пропуск.

И ещё чуть-чуть, потребовали бы оставить и последнюю надежду. До нас добирались немногие автомобилисты и те, кто все же решил обзавестись аусвайсом.

Ни о какой свободе выбора и речи быть не могло. Контролеры проверяли пропуска на каждой остановке поездов и автобусов дальнего следования, да и требовали показать удостоверение личности.

А недавно арестовали мальчишку, который орал на вокзале, что пропуска губят свободу людей. Это же просто мальчишка!

Профессора, пришедшего в университет без зеленого пропуска, выпроводили домой с полицией, хотя у преподавателя имелся медотвод по состоянию здоровья. Ещё одну учительницу полиция едва не отпинала.

Сейчас я знаю, что тогда, в 23 м, на нас уже начинали отрабатывать перемены, нас варили в их котле, как лягушку, медленно, постепенно, а мы как та лягушка, хохотали, ой как тепло да щекотно, и думать не думали, что нас медленно тушат на огне.

-

11. Осенью 23 года мы с Беатой снова начали печь. Тетка встала спозаранку, наспех позавтракала, спрятала начинающие сесть волосы под цветную косынку и еле слышно запела старую песенку про Августина.

В духовке подходили и одуряюще пахли румяные штрудели.

Эльза, милая, — бросила Беата, — последишь за штруделем? Посмотри в блокноте, я там записала, кто что заказал.

Я согласно кивнула головой. Я лепила биероксы — пирожки с капустой и мясом, и улыбалась нежеланию Беаты пользоваться компьютером, или хотя бы заметками в телефоне для записей. Она по старинке писала имена заказчиков в блокноте.

Беата собиралась встретиться с Зелдой, подругой по мессе. Тетка, как добропорядочная католичка, не пропускала ни одной воскресной службы. Однажды на мессе Беата услышала язвительный комментарий незнакомой соседки — печально известная своим скандальным нравом городская кумушка вырядилась в ядовито-зеленый костюм. Ну а Беатина соседка по

скамье не удержалась от комментариев.

С тех пор Зелда и Беата ходили к мессе. Они выпивали чашечку утреннего ядерного кофе у старого Обермайера. Владелец кафешки демонстративно не спрашивал ни у кого аусвайсов, а подруги на какое-то мгновение возвращались в прежние времена.

Вот и в то утро я считала, что Беата проведет время с подругой, поприсутствует на службе, и хоть ненадолго вернётся в прежние времена.

Как же я ошибалась.

12.

Пока Беаты не было, испеклись штрудели. Только я упаковала яблочные пироги, как в дверь влетела Марика, наша соседка, жившая неподалеку от Вальдхайма.

Девушка заливалась слезами, и рыдая, пыталась что-то объяснить.

— Марика, да что с тобой? Сядь, успокойся! — я налила соседке чай с мятой и ромашкой, добавила каштанового меда, пододвинула штрудели. Мы с Беатой всегда оставляли пару-тройку кусков для неожиданных гостей.

— Выпей чаю.

Девушка дрожащими руками взяла чашку и пригубила напиток. Через какое-то время Марика успокоилась. Марика воспитывала малышку Лулу, непоседливого ангелочка. Золотоволосому ангелочку со шkodливым характером в этом году впервые предстояло идти в садик. С середины сентября Марика водила дочку на несколько часов, и вот, когда Лулу предстояло пойти в детсад на полный день, грянул гром. То есть новый циркуляр.

Родители без зеленого пропуска не могут переступить порог школьных учреждений, детсадов, школ, детских центров и учреждений. Чтобы создать видимость демократии, незадачливым мамам и папам нехотя разрешалось забрать чадо во дворе, быстро, и ни с кем не разговаривая. А то, не дай Бог, администрация школ и других учреждений может и поделиться с окружающими статусом прокаженного, то есть непривитого.

— И что мне делать? Лулу только кажется такой самоуверенной, на самом деле она очень ранимая, — всхлипывала Марика. — А если у нее заболит животик? Если она испачкает штанишки?

— Я подумала, хорошо, что у меня нет детей. Не хотела бы оказаться на месте соседки.

— Не плачь. — мне в голову пришло решение. — Либо ты говоришь Лулу, что это игра, и мамочке надо спрятаться во дворе, либо ты уходишь из садика.

— Как? — Марика, казалось, лишилась дара речи.

Я вспомнила недавно прочитанную статью о женщине, которая открыла садик на дому. Женщина, вместе с добровольными помощницами, такими же мамами, занимались на дому с разновозрастной малышкой. Я рассказала о прочитанном Марике.

— И как я раньше не подумала? — просияла Марика. Соседка выбежала от нас, и в сердцах даже забыла закрыть дверь.

Если бы все проблемы решались так просто. У нас каждый день все больше и больше отбирали свободу, многие сдавались, а оставшиеся с каждым днём всё глубже погружались в пучину депрессии.

Да и Беата, против обыкновения, вернулась раньше обычного. Тетка плакала, и я подумала, что в последнее время моя тетка стала плакать слишком часто.

— Что случилось? Зелда наговорила тебе всякой ерунды?

— Если бы, — махнула рукой Беата. — Если бы.

Оказалось, что Обермайер получил штраф. И не один. Последние месяцы негибемый

владелец кафе выплачивал штрафы, но не делил посетителей на привитых и непривитых. Полиция недавно опечатала заведение бунтовщика, и пригрозила закрыть насовсем, если Обермайер не послушается.

— И в итоге он выставил столики на проезжей части, Эльза, как каким-то собакам! Прохожие смеялись над нами, и ещё какой-то выходец из Африки навис над нами с Зелдой и требовал денег. А кофе нам так и не принесли! — рассказывала Беата. — Ну это бы беда, кофе, предположим, я могу и дома сварить, да такой, что старый хрыч себе все локти искусает, с корицей, кардамоном и сливками, могу позвать к нам Зелду.

— Да зови кого хочешь, — улыбнулась я.

— Мы ж пошли с ней к мессе, — продолжала невесёлый рассказ Беата, — и на входе у церкви нас ждал мордovorот, и висела табличка "Предъявите зелёный пропуск!"

Эльза, разве Христос не должен был исцелять прокаженных, разве Господь делил людей, Эльза?

Но и это ещё не всё. Помнишь тот чудесный роман из городской библиотеки — про девушку-модельера, которая всем рискнула, и все поставила на кон? Так вот, думаю, хотя бы книгу сдам, и в библиотеку без пропуска нельзя! Что это за жизнь, Эльза? Что?

— Беата, а может... — как ни кощунственна казалась мне эта мысль, я все же понимала, что нам просто не оставляют выхода. «Ир т, дорогая моя, даже не думай!» — прочитала мои мысли тетка. — Мы не сдадимся.

Беата не стала пить чай и пошла к себе, я зажгла тусклую лампочку и смотрела, как медленно тетка поднимается по лестнице. Она шла прямо и гордо, будто бы на парад.

Зимой, когда лыжные трассы вот уже второй год были закрыты, мы с Беатой сэкономили на всем. Я поменяла лампочки, отопление мы включали только в спальнях. Кусачие цены за свет и отопление делали содержание Вальдхайма все сложнее и сложнее.

Где ты, Господь? За что нам вот это все? Или ты тоже...привитый?

13.

Илзе сказала, сегодня мое время купили. На всю ночь. Добавила ещё, что в этот раз обойдется без рукоприкладства и извращений.

И как-то так лукаво улыбнулась. А я выдохнула про себя. Ещё пара таких ночей, и можно будет не волноваться за счета хотя бы месяц, а ещё, надеюсь, удастся купить сильное обезболивающее Беате. В последнее время она совсем сдала и очень похудела. Хорошо, что Марика и Лулу всегда рады составить ей компанию. Лулу из непоседливого ребенка начала превращаться в изысканной красоты девушку. За детской пухлостью угадывались тонкие черты.

Я мысленно велела себе взбодриться. В конце концов, торговля телом — это тоже работа, почти единственное, что осталось непривитым. В наш Вальдхайм давно никто не приезжает, и старый отель вряд ли кто-то купит, а я не могу себе позволить, чтобы мы с Беатой оказались под мостом.

Меня ждал Конрад, я начала раздеваться, завлекательно покачивая бедрами и меедленно расстегивала пуговички на корсете. Я улыбалась, и в этот раз моя улыбка сияла искренностью.

Подожди, — остановил меня мужчина. Я заметила, как возле глаз у него пролегли морщинки, и он весь как-то осунулся. — Давай просто поспим.

Но ты же заплатил за всю ночь. И потом, есть много способов получить удовольствие.

Конрад сгреб меня в объятия и буркнул: Могу я просто поспать с женщиной, в кот...

которая мне нравится?

Марика прислала сообщение, что с Беатой все хорошо. Я впервые за долгое время засыпала с лёгким сердцем. Меня согревал в своих объятиях мужчина, которому, я кажется, безразлична.

-

□

14.09.21

В последнее время Конрад, когда приходит, не трогает меня. Обнимает, целует, шепчет на ухо ласковые глупости, но не заходит дальше. Хотя я всегда вижу, как он на меня реагирует.

И платит Конрад более чем щедро. Илзе после его визитов сразу покрывает мои счета через чип-терминалы, и выдает на руки кое-какую премию.

Странно все это, конечно. Время покажет.

14.

Весной 24 года Вальдхайм завалили гневными письмами, привитые требовали, чтобы весь персонал продемонстрировал зелёные сертификаты, и чтобы не дай Бог ни одна непривитая нога не переступала порог отеля. В противном случае привилегированная каста к нам не приедет.

Беата отвечала всем строго и вежливо, но я видела, насколько вся ситуация ее угнетает.

Так Вальдхайм превратился в отель для непривитых. И, как ни странно, пользовался спросом. Сарафанное радио соц. сетей сделало Вальдхайму лучшую рекламу. Мы с Беатой подсчитывали прибыли, и не сговариваясь, решили вложиться в ремонт.

Мы с Беатой придумали, как обойти новые драконовские правила. Если раньше постояльцы, независимо от их прививочного статуса, могли есть в отельных ресторанах или столовых, то сейчас непривитым этого делать нельзя. Я обзавелась столиком на колесах, Беата выдавала каждому гостю меню и говорила о новых правилах, а потом предлагала сделать заказ и есть в номерах. Мне в благодарность за то, что я разносила еду, иногда перепадали чаевые. Люди все понимали и устали чувствовать себя вторым или даже третьим сортом.

Я где-то читала, что лёгкая дорога приносит мимолётную радость, кажущаяся победа быстро вскроет нелюбимые обстоятельства, а лишения укрепляют дух. Наш дух с Беатой уже должен быть железобетонным.

По вечерам к нам приходила Зелда. Беатина подруга, которая к тому же оказалась бывшей учительницей, сначала жутко смущалась, цедила потихоньку чай из кружки, а спустя несколько дней Зелда поведала нам ужасающие факты.

Многие из ее бывших коллег, не выдержав давления на школу, уволились. Школьный мир трясло от перемен.

Трехлетние малыши, которым впервые предстояло пойти в сад, рыдали взахлёб, кричали, волочились по земле, били ногами, кусались, видя, как их родители остаются за забором. Некоторые сердобольные директора детсадов предлагали приводить крох ни свет ни заря и уводить их пораньше, чтобы не причинить неудобств гражданам с аусвайсами.

А для подростков школа выпустила очень коварный закон. В классе, где все дети привились, можно было наконец-то снять маски. Если хоть один непривитый, то маски оставались. В официальной прессе представители образовательных институтов вещали, что

заботятся о личной жизни учеников.

На деле часто происходило так. Учитель входил в класс и задавал вопрос:

Кто привитый, поднимите руки.

Непривитому ребенку открыто говорили, что из-за него не поедут на экскурсию или не пойдут в музей. Школа, которая с кафедры проповедовала инклюзивность и толерантность, на самом деле создала все условия для санитарного буллизма.

Мы с Беатой в ужасе слушали откровения Зелды.

А та продолжала вываливать на нас все новые и новые кошмары. Школьную общественность всколыхнуло повеление чересчур ретивой директрисы, которая не разрешила отцу без пропуска забрать детей 3х и 5ти лет из детского сада. Нет пропуска, войти не можешь. Хорошо, родитель не растерялся и вызвал полицию. И это был не первый случай.

Мальчишек из старших классов арестовали за листовки, в которых они просто цитировали статьи Конституции, мол, подрывают санбезопасность страны.

Нескольких студентов, также вышедших на ночной протест против правительства, исключили из университетов и им вклеили серьезный штраф.

Беата подкладывала Зелде шоколадный Захер, а я в недоумении слушала истории бывшей учительницы. Что будет потом с этими детьми? Куда мы докатились, школа должна быть местом, где дети общаются, взрослеют, учатся первым отношениям. Моя подруга белка, пришедшая поприветствовать нас и в этот вечер, казалось, тоже укоризненно качала головой.

-

Конрад покупает каждую ночь. Илзе нарадоваться на него не может, да и я купила Беате запас лекарств, и запас продуктов.

Каждый раз он меня целует, обнимает так, как будто бы я представляю для него самое ценное сокровище на земле, и не заходит дальше.

— Конрад...ты брезгуешь мной? В последнее время ты покупаешь все мои ночи. Илзе строго за нами следит, нас проверяют. Если ты хочешь что-то особенное и это не очень больно, ты скажи. Если я чего-то не умею, я научусь.

Эльза, да как ты можешь думать, что ты мне противна?

Тут Конрад помолчал, собрался с духом, и выпалил:

— Просто я в тебя влюбился, и я не знаю, как тебе помочь.

В ту ночь Конрад любил меня, я отзывалась на каждое его прикосновение, мы звучали с ним в унисон, становились единым целым. Я на какое-то мгновение позволила себе почувствовать себя счастливой.

15.

25 год запомнился мне множеством карет скорой помощи. Каждый день несколько скорых разрывали своими сиренами тишину, и с тех пор их поездки по городу стали печальной традицией.

Вот и сегодня, когда я побежала за молоком для завтрака постояльцам, я увидела, как на дороге упала женщина.

Пострадавшая вела машину, и с ней, как это обычно случается, приключилось внезапное недомогание. Приехавшая полиция сухо констатировала, что несчастную уже не спасти. Я подумала, что если женщина была непривитой, то она и медика бы не смогла найти. Всё больше врачей отказывались обслуживать пациентов без зеленых сертификатов, даже скорая

помощь не всегда принимала людей без пропуска.

Те немногие, которые не обзавелись аусвайсом, стали собираться в соцсетях. Люди договорились устроить всеобщую забастовку и пойти к столице. Столицу, конечно же, перекрыли, а всех бастующих отследила полиция и пришла к ним домой. Кто знает, если бы люди решили бастовать раньше, увенчалось бы их предприятие успехом.

Беата недавно рассказала, что видела репортаж, как другие страны живут свободной жизнью, которой нас лишили в девятнадцатом году. Дания несколько лет назад отменила все ограничения, вслед за ней от пропусков отказались Англия и Испания.

Семья Зелдиной родственницы поехала в Болгарию, Зелда рассказала, как ребёнок видел толпы гуляющих людей без масок, открытые торговые центры, кафе, детей, играющих в парках. Малыш отказался возвращаться, терзая домашних вопросами: почему нас постоянно закрывают? Что у нас не так?

Действительно, что у нас не так, раз этими вопросами задаётся даже ребенок.

16.

Зимой 2026 года сеть всколыхнули сообщения о лагерях. Кто-то увидел бараки и решил, что в эти лагеря будут отправлять непривитых.

Жители, чьи дома находились поблизости от этих странных бытовок, утверждали, что строили временные помещения для рабочих. Этой же зимой грянул гром.

Оказалось, что в столь настойчиво рекомендуемым всех прививках содержались чипы с особым металлом, который как утверждали нейробиологи, может влиять на мозговую деятельность и нервную систему человека.

Правительство объявило, что отменяет кредитные карты, удостоверения личности, медицинские карты — теперь вся эта информация будет содержаться в чипах. На самом деле предпосылки к цифровизации возникли уже несколько лет назад. Постепенно правительство отказалось от использования наличных. Хотя, если ты дашь 50 человекам по 2 евро, а потом эти 50 человек тебе 2 евро вернут, ты останешься при своей сумме.

Если ты перечислишь 50 человекам 2 евро через банк, то ты заплатишь комиссию банку и не сможешь эту сумму вернуть. Возникшее протестное движение обрубили на корню. Правительство позволило людям, немногим оставшимся непривитым, выражать свое недовольствие криками, плакатами, плачем. Однако манифестантам не дали блокировать поезда, запретили блокировать транспортные артерии.

С помощью чипов теперь совершались все платежные операции, медики получали доступ к медкарте человека. Можно было видеть, что пишет владелец чипа, о чём думает. Один китайский журналист, когда в Китае ввели похожую систему, попытался предупредить мир. Теперь этот журналист живёт под мостом, он не может купить хлеб, снять квартиру, не может поехать на автомобиле или на поезде.

Он посмел пойти против системы. Мы с Беатой теперь тоже не могли ничего купить. В качестве жеста милосердия непривитым остались базовые продукты в продуктовых магазинах и аптеки. Но не насильственная цифровизация подкосила меня в тот год.

Дитрих, с которым мы когда-то мечтали пожениться, попал в каменоломни.

Как оказалось, его родители боялись прививаться. Узнав о чипизации, они вышли протестовать. Полицейские пришли к ним домой и арестовали Дитриха. Дитрих попытался спасти родных и отправился вместо них в шахты, с тех пор о нем нет никаких известий. Я очень надеюсь, что он жив.

Месяц спустя после того, как Дитриха отправили в каменоломни, мы с Беатой

похоронили его родителей, до сих пор дрожь берет от того, когда вспоминаю, как мы копали могилы под дождем. Похоронные бюро требовали оплату через чип-терминалы.

На работах вроде чистки канализации или уборки гостиниц я не смогла достаточно заработать, чтобы спасти Вальдхайм, хоть он и превратился в ненужную грудку камней. Так я пришла к Илзе.

-

17.

Странно, почему-то считается, что люди, которых все молчаливо относят к отбросам общества, не могут испытывать никаких тёплых чувств. Илзе когда-то работала в отеле вместе с таким же, как она, незадачливыми товарками.

С появлением чипов женщина сориентировалась и предложила работу несчастным вроде меня. Илзе учи за зла меня, первое время отпаивала кофе с коньяком после каждого мужчины, не давала никому дойти до крайностей, иногда прибегая к помощи Ульриха.

Илзе всегда говорила, что это просто работа. Она оплачивала и до сих пор оплачивает мои счета через чип-терминал, покупает одежду, если нужно, она выдаёт мне наличку на расходы, и все премии оставляет мне. Я никогда не думала, что в самые чёрные времена мне будет помогать бывшая проститутка

Беата в последние годы совсем сдала. Наш семейный врач, который вел Беату ещё 20 лет назад, отказался от нас, сказал что не желает иметь ничего общего с крысами, не понимающими, что такое благо для общества.

За словами “благо для общества” скрывается самый настоящий кошмар, это благодатная почва для унижений и сегрегации. Так мы с Беатой остались без врачей.

Беату стало тошнить от любой твердой еды, ее когда-то серебряные волосы превратились в белый снег.

Беата похудела, у нее запали щеки, руки превратились в обтянутые кожей веточки, в последние дни она стала вообще похожа на скелет. Илзе помогла мне найти фармацевта, который выписывал Беате обезболивающие и спазмолитики.

Вот и сегодня, я вернулась домой под утро, Марика, которая теперь проводит у нас каждую ночь, сказала мне что Беата совсем плоха.

Моя тётка так ослабла, что не может даже встать с постели самостоятельно. Вместе с Марикой мы, как могли аккуратно, посадили Беату в наш старый пикап.

Я поехала в скорую. Теперь в медицинских учреждениях полно серьёзных охранников с чип-счетчиками, термометрами и дубинками наперевес. Как я и ожидала, меня не пустили.

— Ваш чип.

— У меня его нет.

— Зеленый сертификат, пожалуйста.

— У меня его нет.

— Ладно, если у вас нет электронной версии, давайте бумажную.

— У меня ее нет.

Охранник на входе в скорую начал терять терпение.

— Поймите, моя тетка умирает. Я заплачу, сколько скажете.

— Хорошо, в порядке исключения — доставайте свидетельство о вакцинации.

— У меня его нет.

— В таком случае сожалею, мы ничем не можем помочь.

Охранник скривился в привычной гримасе — видимо, он привык отказывать крысам.

Я не знала, что делать. Я стала кричать.

— Помогите, моя тетка умирает, вы же не звери! Вы же давали клятву Гиппократа!

Я знала, что Беата еле дышит, я кричала, просила о помощи. Я пыталась вызвать хоть какое-то сострадание. Наконец из больницы вышел толстый пузатый администратор и вызвал полицию.

На прощание чиновник бросил мне: “Легкой смерти!”

Меня втокнули в маленький вагончик, который подошел бы разве что гномам. Я неслась в чернильную темноту и думала, что может, ради жизни стоило бы поступиться принципами. Я думала, что Дитрих был не так уж и не прав.

Вагончик остановился в серой затхлой пещере, пыльной, вонючей, с каменных стен капала вода. Меня там ждали такие же серые люди. Я поняла, что здесь и умру, в земных недрах. Беаты нет, а Вальхайм просто никому не нужная груда камней, где давно уже нет людей.

18.

Нам говорят, где, в каком месте мы должны работать киркой. Мы, как пыльные призраки, целый день откалываем куски каменных пород, и свозим их ко входу в шахты.

В обед нам даёт бурюю жижу с какими-то белесыми кусочками, кто-то из моих товарищей утверждал, что это червяки.

С каждым днём у меня всё меньше сил, я чувствую, что угасаю, как свеча, у меня нет желания бороться. Я не увидела Дитриха, не увидела своей знакомой учительницы. И вот однажды я понимаю, что меня накрывает вечный сон.

-

Странно, но небытие ласково ко мне, оно укутывает меня во что-то тепло. Я слышу тихий срывающийся голос: майн энгел, майн херц, не оставляй меня.

Я открываю глаза и вижу потолок больничной палаты. Надо мной склоняется белокурый ангел:

— Как вы себя чувствуете?

Я заставляю себя сказать:

— У меня нет...у меня нет зе...

Девушка понимает меня с полуслова и внезапно улыбается ободряющей улыбкой:

— Что Вы, не человек что ли? Если у вас нет зелёного пропуска, никто не должен отказывать вам в праве на лечение. К моему горлу подкатывает горький ком, от такого простого, и казалось бы, естественного проявления человечности. Я вспоминаю Беату и отворачиваюсь к стенке. Ей как раз таки в праве на жизнь отказали.

Сознание собственного бессилия и невыносимой вины переполняет меня. Золотоволосая медсестра снова читает мои мысли:

— С вашей тётушкой все в порядке, вы успели вовремя. Её прооперировали, сейчас фрау Беата проходит курс химиотерапии. Вот увидите, тётушка обязательно поправится.

Голос по-прежнему меня не слушается, но мой ангел милосердия все понимает по моему взгляду. Медсестра сажает меня в каталку и везёт в отделение для онкобольных. Сердце пойманной птицей бьётся где-то за грудиной, его стук гулко отзывается в больничных коридорах.

За стеклянной перегородкой я вижу знакомые худые руки. Беата тоже чувствует мой взгляд. Опутанная капельницами, она поворачивается, и я замечаю, как её лицо освещает невероятная улыбка.

Вот видите, все хорошо. — медсестра аккуратно касается моего плеча. — Поедемте отсюда, нам нельзя здесь находиться.

Вечером ко мне пришёл Конрад. Он работал врачом здесь, в отделении.

Эльза, Эльза, Эльза моя, почему ты мне ничего не говорила? Я бы обязательно тебя вытащил!

И снова мои губы не слушаются меня, но Конраду не нужно слов, чтобы понять.

Теперь все обязательно будет хорошо, вы с Беатой поправитесь и откроете Вальдхайм. А я буду с тобой, если захочешь, и кем захочешь.

Конрад рассказал, что я пробыла в шахтах три долгих месяца, и ему стоило невероятных усилий меня найти. За это время представители оппозиции, несколько смелых судей и медиков подали в суд на правительство за нарушение прав человека и за нарушение этических принципов Нюрнбергского процесса. Пресса шумно освещала подробности готовящегося судебного процесса, началась процедура импичмента всего правительства.

Запрещены любые формы дискриминации. Для желающих избавиться от чипа разработана программа дечипизации, пострадавшие могут принимать противоядие, и их состояние здоровья вернется к прежнему.

Я — Эльза из Вальдхайма, и я с радостью буду ждать вас в любое время года.

Июль — сентябрь 21 года

p. s.

Все персонажи произведения являются вымышленными, любое совпадение с реальными людьми — случайно. Все происходящее — исключительно плод воображения автора.

7. 30 дней Линды

1.

День первый

У вас когда-нибудь тикал обратный отсчёт? У меня — да. Я — Линда, и у меня осталось ровно тридцать таблеток. После того, как таблетки кончатся, я умру. Не сразу. Я буду уходить долго и мучительно, у меня пожелтеет кожа. Выпадут зубы. Прекратит работать желудок. Страшно? Я уже смирилась. Я никому не говорила об этом в нашем Поселении, иначе меня сразу выкинут за его пределы.

Пока я пытаюсь научить Мартина выживать. Мартина десять, он любознателен, смешлив. Он любит гонять мяч и не любит минутки ненависти.

Говорят, минутки ненависти придумали после Большой войны, чтобы люди могли избавляться от негативной энергии. Минутки ненависти помогают отвлечься от проблем, о том, что мало воды, почти нет света. Если электричество дают на час в день, это уже праздник. У нас есть минутка ненависти, и мы можем винить в наших проблемах соседнее поселение.

Вот и сегодня, староста собрал всех, и подключил к головам микрошупы. Я вспомнила трюк, которому когда-то научила меня Лиса.

Нужно петь песенку, пусть даже бессмыслицу. Пока к твоим вискам липнет щуп, нужно петь. Вот и я, пытаюсь сложить в песенку незамысловатый мотив.

Цок цок цок, цок цок цок,
прискакал к нам Горбунок,
Горбунок танцует вволю,
Он резвится в чистом поле.
Цок цок цок. Щуп щуп щуп.

Главное, не останавливаться. И тогда тебе в голову не вложат видео- и текстоформы того, кого нужно ненавидеть. Иногда даже странно, сегодня мы пылали ненавистью к поселению А, а завтра терпеть не можем поселение Z.

Сегодняшняя ночь выдалась особенно холодной. Разбитый термометр в холле показывал +10, но мерзкая сырость проникала до самых костей. Чтобы не дрожать, мы с Мартином прижались друг к другу под выцветшим пледом с бахромой.

Цок цок цок. Я не хочу ненавидеть. И мне будет больно оставлять Мартина.

2.

"С вами галостудия 1, и мы сегодня познакомимся с новой работой Эриха Вайсагера, известного цифрового художника-предсказателя. Вайсагер прославился на всю Нову, когда предсказал торнадо, предсказал скачок цифровых технологий и путь прогресса, который прошло человечество за последние годы.

Нынешние работы художника не могут вызвать ничего, кроме удивления и недоумения. Знаменитый деятель искусства дал обет молчания.

Давайте посмотрим." В квартирах галозрителей появилось объемное изображение седого сероглазого мужчины, который, несмотря на белизну шевелюры, отличался молодостью. Из под пальцев художника выходила странная объемная живая картина. Пухленькая девушка в лохмотьях и худой ребенок рядом с ней плакали возле огня. В тёплых шоколадных глазах девушки застыла боль.

День второй

Сегодня к нам приходил человек из Поселения Х. Человека позвал староста, гость был профессором. Я очень хотела пойти, мне всегда не хватало знаний. А Мартин устал чистить конюшни. На самом деле отец Мартина — староста, он хотел, чтобы сын вырос яростным, злобным, суровым, и мог бы управлять поселением твердой рукой. А ребенок стал чувствительным и справедливым. Я даже не знаю, как так получилось, что мы с ним подружились.

Профессор оказался маленьким сморщенным человечком, с кучей книг. Он стал рассказывать нам о сказках. Сначала в детских историях фигурировали людоеды, злые волки, падчерица могла задавить голову мачехи сундуком, а мачеха отравить падчерицу яблоком или гребнем. Сказки учили детей осторожности и не доверять людям, так истории готовили детей к взрослой жизни. Потом, в эпоху процветания пришел детоцентризм, и больше не было необходимости бояться и учиться беречь себя.

Сказки превратились в слащавые истории со множеством песен и глянцевого персонажей. Затем, в эпоху толерантности, сказки стали перекраивать.

Но тут мы с Мартином не дослушали, потому что профессора начали бить слушатели. Оказалось, профессор принадлежал к поселению В, которое, согласно минуткам ненависти, нам нужно было ненавидеть. Ученого били, кричали ему непотребства всякие и гадости, а он стойко все выносил и молчал. Законы Поселений запрещали защищаться тем индивидам, которых нужно было бить.

Потом обезумевшая толпа стала жечь книги. Кто-то кинул канистру с горючим, развели костер.

Профессора держали несколько сильных мужчин, он вырывался, кричал и плакал, просил остановиться. Я стояла и молча смотрела, потому что знала, что иначе побили бы меня.

— Хватит, — не выдержал Мартин, — хватит! Не трогайте его! Отдайте ему книги! Достаточно!

Люди послушались сына старосты и разошлись. Я надеюсь, Мартину не влетит. Мы с Мартином подошли к учёному, я подобрала остатки книг, и Мартин тоже. Обугленная книга в его руках, казалось, кричала.

Я вынула обезболивающее и отдала мужчине. Тот в ответ протянул Мартину книгу.

— Возьми.

Побитый учёный заковылял к границе поселения. Я знала, что таблетки облегчат боль, и что сегодня ночью меня будет ждать приступ. По дороге домой я показала Мартину тайник.

В нем лежали пачки сухого печенья, консервы, шоколад с улыбающейся коровой. Я знала, что когда мне придется уйти, я возьму совсем немного.

Вечером Мартин снова ко мне пришел. Его отец отправился пить самогон, вместе с другими мужчинами из поселения. Мы с Мартином укутались в плед и я стала читать. Я подумала, что нужно будет научить читать моего друга. Если успею.

"Когда-то один бедный старик, чтобы купить немного риса, решил продать соломенные шляпы. Дул сильный ветер, пошел снег, и шляпы оказались никому не нужны.

Старик, возвращаясь домой, отдал шляпы статуям детей, он сказал им, что шляпы сохранят их от непогоды. Старуха не стала ругать старика. Они легли спать голодными. Ночью статуи ожили и принесли старикам множество яств". *(японская сказка)

Ночью мне снова снился лес, снился деревянный дом. Рядом с домом находилось

кристально чистое озеро, я знаю, туда нередко наведываются коровы, видела раньше во сне. Снилось уютная гостиная, в которой горел камин. Снился мужчина, водящий руками по экрану. Потом он обернулся, и я увидела, как его глаза цвета неба улыбаются мне.

3.

День третий

Утром я проснулась от боли в виске. В голову ввинчивался внутренний гвоздь, от боли хотелось выть. Грустный Мартин растолкал меня.

— Линда, ты спишь?

— А, что? Мартин, работать же ещё рано.

На этой неделе мне выпало шить. Распарывать старые холстины неопределенного цвета, резать по стандартным выкройкам, и шить, шить куртки и штаны. От этой работы болели глаза и голова, но я не могла отказаться, все обязанности распределялись по кругу.

— Да, до побудки еще час. Линда, пошли со мной, отец разрешил. Если хочешь, конечно.

— Куда?

Оказалось, староста придумал сыну наказание. Нам с Мартином нужно было отправиться в поселение В. И сжечь книгу, которую вчера дал ему ученый. Если бы мальчик отказался, то ему весь день пришлось бы проходить с щупами. В поселении В Мартина будут бить.

— Только ты не вмешивайся, Линда, — предупредил мои мысли маленький друг. — Если ты вмешаешься, то мне придется остаться там ещё на один день.

Мы вышли из поселения, и смотрели, как нежилые бетонные обломки домов захватила природа, пряча творения рук человеческих за буйной растительностью. То тут, то там попадались ржавые остовы автомобилей, пустые магазины, из которых все давным-давно растащили.

В поселении В нас встречал староста, неуловимо похожий на отца Мартина, встречали такие же, похожие на жителей нашего поселения люди. Одетые в серую дерюгу, вроде той, что мне пришлось распарывать в эти дни. И с затравленным выражением в глазах.

— Ну, рассказывай, за что ты к нам попал.

— Я попросил не сжигать книги.

— Книги, кому сейчас нужны книги? — дико заржал староста. — Приступайте!

Видимо, глава поселения В уже получил инструкции от отца Мартина. Да, по той самой связи, которая работает час в день, если повезёт. Нашему старосте везло.

Мартин встал к позорному столбу, и молча сносил, когда в него кидали пищевыми отходами, кожурой, огрызками, тухлыми помидорами, которые можно было пустить на корм свиньям. Мне было так больно, будто бы это меня закидывают отходами.

Так Мартин простоял весь день. Люди развели костер и он был вынужден бросить туда книгу, которую подарил ему учёный.

Но это не все испытания, которые ждали мальчика.

— Хочешь есть? — громко спросил Мартина староста.

— Да. — жителям поселения запрещалось врать старостам. Иначе во время минуток ненависти они получали разряд током.

— Тогда ты должен сказать, громко и при всех: я отрекаюсь от своего поселения. Ну? Если не скажешь, простоишь так ещё один день.

— Я отрекаюсь от своего ...поселения, — через силу выговорил ребенок.

Он получил тарелку пустого супа. Я, как сопровождающая, тоже получила жидкую бурду. Люди разошлись, и староста отпустил нас.

— Ты теперь отвернешься от меня, Линда? — спросил Мартин.

— Нет, а почему должна?

— Ну я же отрекся. Я просто устал. Мое поселение — оно всегда в моем сердце. Я не хочу ненавидеть. Я не хочу жечь книги.

Я обняла друга.

— Я выучила все истории из книги наизусть, Мартин. И смогу их тебе рассказывать. А если захочешь, научу тебя читать и так, без книг. И ты всегда будешь моим другом.

4.

День четвертый

Сегодня в поселение к нам пришел маленький зверек. Кошка, худой и встрепанный, звереныш терся у конюшни, где Мартин задавал корму лошадям и чистил их хлев.

Вечером мой друг с таинственным выражением лица сказал, что хочет меня познакомить с кем-то. И показал мне животное. Мы накормили котенка хлебом и овощным супом. Зверь все съел и благодарно потерся о штанины Мартина. Ребенок радовался, и даже забыл про мяч, которым часами долбил о стену. Однако этой крохотной радости, радости заботы о живом существе суждено было превратиться в очередную боль.

Мартин, опять мяч гоняешь? — раздался рык отца. — Я тебя везде ищу.

Мартин не успел спрятать кошку.

Кто это у тебя?

Животное, отец.

Ты знаешь, что запрещено держать несанкц...несакн...короче, приبلудных зверей нельзя держать в поселении! Ты знаешь законы, и ты второй раз нарушаешь их! Хэнк!

Я не успела и слова вымолвить, как один из приспешников старосты приставил к моей голове щупы.

А теперь, сын, выбирай. Или ты убьешь кошку, или я убью Линду.

Меня прошил электрический разряд. Я не стала кричать, не стала плакать. И наверное, с облегчением приму свою смерть. У меня осталось двадцать шесть дней, и так будет лучше. А у Мартина появится существо, о котором он будет заботиться. Разряд. Еще разряд.

Я отключилась и не видела, как Мартин убил животное камнем. Очнувшись от того, как мой друг тащил меня в наш дом, как капли дождя, яростного, жестокого, били по нам.

Линда, Линда, очнись же! — шептал ребенок. — Линда, пожалуйста.

Мартин, ты...

Я не могла смотреть на его залитое слезами лицо.

Да, я ее убил. Я убийца, Линда.

Я с трудом встала и мы поковыляли к дому. Я подумала, что Мартина нужно будет забрать с собой, иначе он просто не выдержит.

-

“Почему Вайсагер рисует мрачные картины? Галокамера снова показала объемное изображение студии художника, где мужчина плакал, вырисовывая в деталях трупик кошки на руках у мальчика. На заднем плане можно было заметить бездыханную девушку, уже появившуюся в прежней картине.”

5.

В дом Эриха Вайсагера всплыла андрогинная красотка — изящная зеленоволосая

красавица с золотыми глазами. Прекрасная Камелия гордо демонстрировала мини-платье из паутинного шелка, и заодно — свое отвратительное настроение.

— Эрих, ты мне не звонишь.

Пальцы художника забегали по виртуальной клавиатуре:

"Я дал обет молчания."

— Ах, ну да, но даже не пишешь, мы с тобой не виделись вот уже две недели! Сегодня вечеринка в космоклубе, и я рассчитывала появиться там с тобой!

"То есть, ты заранее похвасталась подружкам и журналистам".

— Да! Ты стал совершенно невозможен! Постоянно рисуешь эти ужасы... и кто эта жирная лягушка на твоих картинах? Ты знаешь, я всегда готова тебе попозировать!

Пальцы мужчины забегали по клавиатуре.

В новостные галостудии полетело короткое сообщение. "Эрих Вайсагер официально уведомляет о разрыве отношений с известной певицей Камелией"

"Проваливай" — в воздухе проявилась гигантская голограмма, — "Видеть тебя не хочу".

— Ты точно последний ум растерял! — Камелия хлопнула дверью.

Художник с тревогой взгляделся в экран и из-под его пальцев стали появляться бурлящие морские волны.

День пятый

Сегодня нас ждала очередная минутка ненависти. К моей голове подключили противный микрошуп, и я снова начала петь, или вернее, бубнить песенку. Однако староста разгадал мой трюк — его насторожили мои шевелящиеся губы. Он прикрыл мне рот рукой и мерзко ощерился.

— Я разгадал твою уловку, Линда. У меня для тебя будет особый сюрприз.

Противно зачавкали щупы и моя душа начала наполняться ненавистью к моим родителям, сознание заполонили злобные кадры, искаженные обидой лица, в голове зазвучали, застучали колоколом крики, вопли.

Грязь. Грязь. Грязь. Какая же вокруг грязь. Я не хочу ненавидеть. Я не буду ненавидеть. Я люблю своих родителей. Мамочка. Папа. Как бы я хотела вас обнять. По щекам солёными дорожками пролегли слезы. Я люблю вас и очень по вам скучаю.

Староста смотрел на мое лицо и довольно лыбился.

— Ты выучила урок, Линда.

— Да. Только моих родителей давно нет.

— Не важно. Ты навсегда запомнишь их такими и только такими. Но и это ещё не всё. Я заметил, что ты совсем задурила голову Мартину, и поэтому...ты отправишься за провиантом в город, область между поселениями.

— Все давно разобрали, ты сам знаешь, Тим.

— А вот это и будет твоё задание, не возвращаться без еды. Или полезных вещей, на худой конец.

Мартин вызвался идти вместе со мной. Староста хотел было отказать, но потом подумал, махнул рукой, и разрешил нам уйти.

6.

Я не стала говорить старосте, что у меня ещё оставалась надежда, когда-нибудь увидеть своих родных. Не стала говорить и о том, что ненависть, искусственно насаждаемая микрошупами, вызывала только боль и грусть. Староста, желая наказать меня ещё больше, велел не брать еды ни мне, ни Мартину. Предложил собрать дары леса.

Я видела, что Мартин хотел что-то выпросить у Сюзи на кухне, постаралась показать ему, чтобы он этого не делал. Значит, пришло время опустошить тайник. Я забрала печенье, шоколад и консервы. Таблетки тоже взяла.

— Мартин, спасибо, что не бросил меня.

— Линда, это такое приключение!

Пусть хоть кто-то порадуетя.

* * *

Это так странно, видеть мир за пределами поселения. Обломки асфальта, полуразрушенные, будто надкушенные, небоскребы. Костяки трамваев и автомобилей. Магазины с выбитыми окнами. Везде нас встречали пустые полки, везде. Я старалась не думать, что староста хотел от нас избавиться этим заданием.

— Линда, смотри! — на ладони Мартина улыбался пушистый зверек. Животное напоминало небольшой глазастый комочек шерсти. — Давай его возьмем, пожалуйста!

— Мартин, ты уверен? Нам самим есть нечего, — я старалась не думать о том, что запасов еды может хватить ненадолго.

— Линда, пожалуйста!

Вдруг существо оскалилось, я с визгом отшвырнула зубастое создание. Мы с Мартином выбежали из магазина.

— Нет, не будем мы никого брать! — заключил мой друг.

Мы шли по неизведанной земле, вдаль от поселений. Я старалась не думать о том, что нас может ждать.

7.

День шестой

Почему люди раньше селились в городах? В них же не было жизни. Я с недоумением рассматривала бетонные нагромождения домов, остатки транспорта, дорожное покрытие. Буйная растительность покрывала обломки зданий — серые листья с шипами и бурыми плодами казались несъедобными. Я отдала Мартину последнее печенье, консервами мы поужинали еще вчера. И конечно, все магазины, абсолютно все, оказались пустыми.

Наверное, мы так и останемся с Мартином в этих каменных нагромождениях. Жаль, что мальчик увязался за мной.

Мы наконец вышли из города. Нужно было перейти мост — шаткое строение, которое ослопалось прямо под нашими ногами. Я поняла, что боюсь высоты и старалась не смотреть вниз. В ледяную бездну.

Мартин аккуратно, бочком-бочком, пошел по мосту. Он тоже старался не заглядывать в пропасть.

Под подошвами моего друга осыпался асфальт. Мартин полетел в воду. Я прыгнула за ним.

Ледяная бездна сразу же поглотила меня. Я вынырнула, стараясь найти Мартина, увидела, как ребенок зацепился за корягу. У Мартина не было сил даже позвать.

Плыть в ледяной толще воды, с рюкзаком за спиной, оказалось почти невозможно. Я старалась доплыть до Мартина, волны и течение встали против меня. Я не помню, каким чудом добралась до коряги. Помню, как уговорила моего друга уцепиться за меня. Мы

доплыли до берега, и обессиленные, упали на грязную землю.

— Линда, я думал, что умру.

— Все хорошо. Мы живы, и это главное.

У Мартина начали стучать зубы, и меня тоже бил озноб. Еды не осталось, и нужно было идти. Город, который ждал нас под мостом, отличался от заброшенных каменных развалин. Нам встречались буйно цветущие деревья, разросшиеся розы. И как ни странно, на глаза попался дом с целыми стеклами. Я открыла дверь. Мартин устало привалился у стены. Наши надежды оказались не напрасны, и стоило попасть в бездну, чтобы найти это полное вещей здание. Магазиновые полки ломились от одежды, бакалея пестрела консервами, пачками макарон, печеньем. В аптеке стояли пищевые добавки и обезболивающие. На кассе возле кассового аппарата мигал галофон. Казалось, люди просто вышли на минутку, и вот-вот вернуться.

В мужском отделе я отобрала несколько вещей, чтобы Мартин мог переодеться. Не хватало еще, чтобы мальчик заболел. Сама тоже сменила мокрые тряпки, развесила трехмерные мешки из рюкзака, которые нам выдал староста. Галофон возле кассы до сих пор мигал.

Эти устройства, по словам производителей, могли работать без зарядки годами и ловить сеть. Вот и этот аппарат выдержал испытание временем.

Мартин спросил, может ли он выбрать что-то другое. Я подумала, что у моего друга никогда не было возможности выбирать себе одежду. Нажала на значок белой толстой птицы. Открыла страницу “Лилия пустыни” от прежней хозяйки.

Посты и строчки от разных пользователей кишели ненавистью к какому-то поселению. Ненависть, ненависть, ненависть, злоба, похабные картинки и злые слова. Слова тоже могут ранить и фонить. И среди всего этого мрака меня привлекло фото. Кристально чистое озеро, в окружении лиловых цветов. И подпись “Черный человек”. Я отписалась от всех, мне хватало минуток ненависти и в реальной жизни. Оставила только Черного человека. Он говорил о музыке, о красоте, о том, как прекрасен мир.

Обновление от 11.03

8.

День седьмой

Мартин перемерил множество вещей, я никогда ещё не видела моего друга таким воодушевленным. Я тоже отдала предпочтение мужской одежде, то, что когда-то носили женщины — в этом же попросту холодно!

— Линда, что мы с собой возьмем? — спросил Мартин.

— Хоть мешки и называются трехмерными, они не смогут вместить все. Поэтому — только еду.

Мы прошли по продуктовым полкам, и набрали ту еду, которая не испортится. Даже если у консервов и печенья давно истек срок годности, их вполне можно было есть.

Я забрала и обезболивающие, отложила себе запас. Моих таблеток я не нашла. Отложила консервы и печенье для тайника. Мешки надулись, и теперь нам с Мартином предстояло как-то дотащить их до поселения.

Я заметила, что мальчик задумался.

— Линда, нам опять придется прыгать в воду?

— Нет, Мартин, у меня теперь есть галофон, и мы воспользуемся GPS.

Поселение I.

Поселение I.

Я попробовала задать поисковый запрос, а потом вспомнила, что галофон произвели до большой войны. И поэтому задала Ослиный лес, именно там располагалось наше поселение. Навигатор выдал короткий маршрут.

В этот раз возвращение домой порадовало нас. Мы с Мартином рассматривали забытые часовни, пустые конюшники и свинарники, забытые дома. Казалось, все разбежалось по своим углам, и город вот-вот оживет. У нас была еда и вода.

По дороге я рассказывала Мартину сказки, из книги профессора, и те, что помнила показывала ему буквы на дорожных знаках. Когда приходило время сна, мы входили в заброшенные дома, и спали. В шкафах я находила теплые одеяла, которые утром сворачивала и возвращала назад. По вечерам я читала мысли Черного человека, и знать не знала, что вскоре моя беспечность выйдет мне боком.

9.

День одиннадцатый

Староста встретил нас недоуменным выражением лица. Мартин похвастался трехмерными мешками, набитыми провиантом. Отец позвал моего друга на разговор, а я успела сунуть отложенные продукты и галофон в тайник.

Я надеялась, что староста меня если не похвалит, то хотя бы не будет придирааться, однако его разозленное лицо выбило меня из колеи.

— Линда, ты ... ты..., - староста сжимал и разжимал кулаки. — Ты подвергла опасности моего ребенка! Вы упали в воду! А если бы Мартина не стало? Я бы мокрогос места на тебе не оставил!

Мелькнула запоздалая мысль, что нам с Мартином нужно было придумать план, что говорить отцу, а что не упоминать. И я понимала, что староста прав.

— Тим, я бы сама не пришла, если бы с Мартином что-то случилось.

— Линда, отправляйся в карцер, на три дня. Посидишь на воде. И я запрещаю тебе общаться с Мартином, поняла? Чтобы ты и близко к нему не подходила!

Староста подсоединил к моим вискам микрощупы. Я старалась не думать о том, что меня ждёт. Хорошо хоть воду оставил, будет чем таблетки запить.

10.

Эрих Вайсагер пригубил травяной чай и в очередной раз не ответил на звонок своего менеджера. Из под пальцев художника на виртуальном экране выходила смешная девчушка с косичками. Картина в этот раз не была прорисована полностью, на второй половине экрана рассыпались пиксели.

День двенадцатый

В карцер староста засовывал непокорных, тех, кто отказывался выполнять назначенные им задания, тех, кто думал слишком громко, тех, кто сопротивлялся укладу поселения. Таких, как я.

А щупы для каждого готовили свой отдельный сюрприз. Я знала, что нельзя дёргаться, или мне в голову вопьются тысячи мелких иголок.

-

Совсем молодая мамочка, и я, малая совсем.

— Линда, солнышко, можно тебя попросить. Нам опасно разговаривать на моем языке на улице.

— Почему, мам?

— Нас могут побить.

— За что, за язык?

— Да, моя хорошая, за язык. Помнишь, ты изображала акцент своей подружки, что родом с Юга? Теперь, на улице, нам нужно будет изображать такой акцент, хорошо?

— Хорошо, мам, я все поняла.

—

Мы с мамой печем пиццу. Мука совсем некрасивая, какая-то серая, мама говорит, туда добавляют жёлуди. После того, как позакрывались мукомольные заводы и макаронные фабрики, достать нормальную муку стало невозможно. Папу тоже уволили с макаронной фабрики, и он теперь пропадал на улице целыми днями, возвращался с тоненькой пачкой денег, которых разом становилось все меньше и меньше.

Мама напевает песенку на нашем тайном языке, и я ей подпеваю.

—

На улице ещё только март, вроде и выглянуло солнышко, а дома все равно холодно. На мне три кофты, и я учу уроки при свечах. Мама говорит, что главное, чтобы нам было что кушать и платить за дом, а все остальное можно пережить. Магазины тоже давно работают почти без света. Горят только холодильники, да и то не все. Пламя свечи колеблется.

—

Мне 17, и я еду поступать. Мама с отцом, поседевшие и серьезные, протягивают мне чемоданчик. Мама говорит, что чувствует, что мы нес скоро увидимся. Сказала, что чувствует, что чемоданчик мне пригодится.

Я открыла — 120 пачек таблеток. Знала бы я, что этот мамин подарок буквально спасет мне жизнь.

—

Я не помнила, сколько времени прошло. Я с ужасом поняла, что все мои самые дорогие воспоминания превращаются в пиксельные картинки, которые затем рассыпались на тысячи точек и исчезали. Староста украл у меня воспоминания. Те, которые помогали мне выживать все это время.

11.

День пятнадцатый

Ночью Хэнк открыл двери карцера и буркнул: Выползай. Прихвостень старосты содрал с меня шупы, что-то ещё бормотал о том, что такие отщепенки, как я, нормальным людям спать не дают. Только я собиралась доползти до дома, как на меня налетел Мартин.

Друг крепко обнял и зашептал:

— Линда, отец может говорить все, что хочет! Я не перестану быть твоим другом, никогда! Вот, я тебе еды принес.

Я с жадностью вгрызлась в печенье, которое припас для меня Мартин. И обняла своего маленького друга в ответ.

— Сюзи просила передать, что ждёт тебя завтра на кухне, она тебя накормит до отвала. Линда, я не могу к тебе прийти, меня ждёт дома отец.

Я взъерошила вихрастую голову Мартина.

— Я все понимаю. Ты лучше его не раздражай, а мы что-нибудь придумаем.

Я не стала говорить Мартину, что его отец забрал у меня воспоминания. Я ощущала внутреннюю пустоту, и чтобы как-то утешиться, собралась посмотреть, что же написал Черный человек.

— Я не был в сети восемь лет, и сейчас, месяц спустя, жалею о том, что вернулся. Соцсети — зло, которое не заменит реального общения.

Я не выдержала и написала ему.

— Пожалуйста, не уходи. Твои посты утешают меня. Мне сейчас очень плохо и одиноко.

— Ты растрогала меня, прекрасная душа. Я не уйду, пусть и ради тебя.

— Я чувствую себя такой одинокой, одна в целом мире. Я боюсь, что у меня вот-вот не станет единственного друга. Я много лет не могу связаться с моими родителями, у меня не осталось даже воспоминаний. Я чертовски одна.

— Ты не одна, прекрасная душа. Закрой глаза и представь, что я тебя обнимаю. Память о твоих родителях никто не отнимет, ни люди, ни время.

Неизвестный пользователь вклинился в нашу беседу и добавил:

— У Черного человека чёрное сердце?

— Я делаю всё, чтобы его очистить. Я слишком много терял.

Я написала:

Честная тьма всегда лучше лицемерного света.

В личку мне пришла роза и короткая фраза.

Меня ещё никто не защищал. Ты не одна.

Я спрятала галофон в тайник, пришла домой, завернулась в любимый потёртый плед, и впервые за много месяцев засыпала с улыбкой.

12.

День шестнадцатый

Утром Сюзи вместо привычной плошки каши выдала сухое печенье и жидкий чай.

— Линда, прости, — зашептала наша кухарка, — я знаю, что тебе пришлось провести целых три дня в карцере. С нами рассорились целых три поселения, староста сказал, не хватит круп и зерна, поэтому велел экономить.

Сюзи о чем-то задумалась, а потом вынула из кармана фартука мятый шоколадный батончик.

— На. И не дразнила бы ты его, что ли, девочка, тебе же не трудно сделать вид, что ты покорилась. И к Мартину какое-то время лучше не приближайся. Я понимаю, мальчонке нужна родная душа, но староста из-за этого совсем свирепеет.

В кухню заглянул Тим, лёгок на помине.

— Наелась? Смотри, какие бока отрастила. Ну ничего, сегодня я тебе придумаю работенку.

Я вышла вслед за старостой, и он повел меня в хлев. Наверное, коровники чистить, к такой работе я привычна.

Тим вынул пистолет.

— Линда, сегодня тебе надо будет убить коров. У нас не хватает корма, а лишать людей последнего зерна мы не можем. Зато мясникам подкинем работы.

Я не стала спрашивать, почему именно я. Не стала говорить, что можно было бы обойтись сеном или придумать что-то ещё. Законы поселения запрещали перечить старостам.

— И не вздумай отказаться, — прошипел староста, — иначе я убью Мартина, ты знаешь, за мной не заржавеет.

Вы когда-нибудь убивали невинных существ, которые смотрят на тебя добрыми глазами,

и казалось все понимают? А выражение их ласковых морд так и говорит: Ну давай уже человек, делай быстрее.

...Когда я закончила, меня уже ждали Хэнк и Дункан, наш мясник. Хэнк, глядя на мое залитое слезами лицо, презрительно отрезал:

— Ну и чего ты разнюнилась? Подумаешь, животные, они же твари бездушные! Что с тебя взять, тупой девки. Староста велел идти работать на участок.

Весь день я мотыжила тяпкой землю, а потом руками убирала сорняки, и из моих глаз лились непрошенные дорожки слез. И Мартина я тоже сегодня не видела.

13.

Я вынула из тайника галофон и отправила сообщение Черному человеку. Я чувствовала его симпатию ко мне, в простых строчках, во всегда добрых словах. А сегодня я не выдержала и рассказала всю свою нехитрую жизнь, рассказала, как меня мучит убийство живых существ и как мне не хватает маленького друга.

— Я не виню тебя, прекрасная душа, — пришел ответ. — Совсем недавно я спас лису. Животное хромало, и пряталось за поленницей дров. Лиса не боялась, что я могу причинить ей боль, ей уже было больно. Лесные обитатели почти не приходят к людям, ты знаешь. Я перевязал ей лапу, ухаживал за ней, а потом однажды утром она ушла.

Что бы ты ни сделала, что бы ни происходило в твоей жизни, помни — я с тобой.

* * *

С вами галостудия 1, мы находимся в резиденции галактического консула Новы. На благотворительном вечере, организованном для помощи расе птицелюдей, ожидается присутствие знаменитого художника Эриха Вайсагера. Скандально известный предсказатель обещал нарушить обет молчания и поучаствовать в акции в поддержку птицелюдей. Как известно, космический корабль птицелюдей занесло в черную дыру, эти прекрасные существа — диктор томно вздохнула, — оказались отрезаны от своей планеты.

На объемных экранах галозрителей замелькали изображения потрясающе красивых мужчин, статных, сильных, могучих. Существа обладали светящейся голубоватой кожей, а еще крыльями. Птицелюдей окружали самые известные красавицы планеты.

А вот и наш затворник, который, постойте-ка, постойте-ка, собирается сделать заявление.

Вайсагер растянул галоэкранный экран и ухмыльнулся.

На экране замелькали птицелюди, и плачущие девушки, которые, желая утешить попавших в беду ангелоподобных инопланетян, сами оказывались в трудных ситуациях. Экран показывал разорванные платья, синяки на щеках, выписки из опустошенных галактических счетов.

— Вас привлекает все наносное, — глухим голосом заговорил Эрих. — Вы даже не поняли, что птицелюди — захватчики, их шаттл прилетел разведать обстановку, поверили сладким речам и умильным выражениям лиц. Что ж, получайте за свое лицемерие и псевдоблагородство! Знайте же, — на галоэкранный экран замелькали изображения поселений, — на Нове живут люди, чье развитие остановилось после Большой войны. Они тяжело работают, им не хватает еды, воды, хлеба и элементарных ресурсов. Они ненавидят друг друга, бьют, и даже готовы убить, потому что ненависть к близким отвлекает их от нищеты. Они умирают

от болезней тогда, когда многие из вас решают впервые вступить в брачный союз. Вы продолжаете раздвигать ноги, открывать двери и счета перед захватчиками, почему бы вам не помочь своим братьям? Почему бы не сделать действительно что-то хорошее?

Объемный экран Вайсагера отключился.

— Хватит! — отрезал галактический консул.

14.

— Так называемые "люди", — громоподобный голос консула разносился по всей резиденции, — это эксперимент. Жалкие твари привыкли к кнуту и прянику. Кнут, — консул вынул из кармана комплект микроскопов и небольшой пульт, — вот эти штуки, а пряник — это их ничтожная жизнь. Раз ты их видел, — осклабился галактический правитель, — то ты знаешь, что они любят насилие, они безвольны и тупы, и только и знают, что удовлетворять самые базовые инстинкты. А за то, что ты посмел, — консул злобно взмахнул рукой, и окружающие вокруг застыли, как статуи, — нарушить мои планы по... упрочению власти, я тебя выключу.

Правитель растянул галоэкранный экран, на котором замелькали цифровые счета Вайсагера, его идентификационный аккаунт, в котором было все — документы, медкарта, привязка к счетам.

— Один клик, и тебя больше нет. Ха ха ха, — консул похлопал в ладоши. — Хотя, должен признаться, я тебя недооценивал. Они не поверят тебе, Вайсагер, я откатал время назад, — толпа вокруг зашумела, — до твоего выступления.

— Смотри, — Эрих подошёл к консулу и включил его галоэкранный экран, — смотри, как твои союзники превратят Нову в свою колонию. — На галоэкране консула замелькали женщины, закутанные во множество разноцветных вуалей, облепленные многочисленным выводком крылатых малышей. Вас, мужчин, просто уничтожат, и цивилизация Новы умрет благодаря тебе. А тех, кого ты называешь жалкими тварями, они выживут. Вот теперь можешь смеяться.

Эрих Вайсагер вышел из резиденции консула, громко хлопнув дверью. За его спиной запылал огнем консульский виртуальный экран, а галактический правитель недоуменно качал головой, не желая верить в предсказание.

Галокар не завелся, портативный ручной галабук тоже не работал. Вайсагер шел домой и улыбался. Конечно, он не смог поехать ни воздушным, ни подземным, ни наземным транспортом.

Эрих добрался до своей резиденции поздно вечером. Нашел ржавый ключ, в вазоне, стоявшем у заднего входа, и открыл дверь. У него был готов рюкзак с минимумом вещей, картой, и старым галофоном, ещё довоенного производства. На дне рюкзака в невзрачной сумке лежали запасы родия-N, Эрих знал, что так будет, и своевременно перевел все запасы в ценный металл, на который он вполне мог бы купить небольшую планету.

Эрих поджог дом. Консул нередко говорил, что хотел бы иметь такой райский уголок, как у Вайсагера. Эрих отправился к Ослиному лесу. Забрать девушку. Вайсагер видел, что она попала в беду.

15.

День двадцатый

Сегодня утром нас ждала минутка ненависти. Староста залепливал мне рот мерзкой клейкой лентой, и также склеивал лентой руки. А потом с мерзкой ухмылкой лепил к моей голове щупы. Я старалась вызывать в памяти родителей, мир, каким его помнила, но все, что

у меня получалось, обрывочные пиксели и иногда удавалось вспомнить объятие, или голос. Ощущение папиной теплой руки на голове. Так я защищалась от ненависти.

Жители поселения били женщину. Маленькую, сухонькую, в рваной дерюге. Бил верзила Хэнк. Бил мясник Дункан, славившийся огромными кулачищами. Била добродушная Сюзи. Били все. Дети, взрослые. Я не могла долго смотреть на это избиение. Перед моими глазами стоял учёный. Мартин. Сожжённые книги. Я закрыла несчастную собой.

— Хватит! Хватит! — завопила я. — Она же совсем одна! Она беззащитна! За что вы ее бьете? Что она вам сделала?

— Линда, отойди, — попросила Сюзи.

— Тебе что, щупы бракованные достались? — съязвил Хэнк. — Объясняю для тупых: эта вот тварь — из враждебного поселения. Из-за нее у нас нет зерна, и скоро мы будем жрать друг друга!

— Не будем. — к месту судилища, крадучись, подошёл Тим. — На один лишний рот у нас точно станет меньше.

В руке у старосты была моя упаковка с таблетками. Я забыла их сегодня на столе в кухне. Я с ужасом смотрела, как мужчина смял коробку, высыпал таблетки на землю и растоптал их.

— Ты у нас, оказывается, больная, да, Линда? Знаешь, что мы делаем с такими, как ты? Тебе не место в нашем поселении, убирайся!

Ко мне подбежал Мартин, и заливаясь слезами, обнял.

— Я уйду с Линдой, отец, и ты ничего не сможешь нам сделать!

— А и проваливайте, — из ушей старосты, казалось, вот-вот повалит пар.

— Тогда и ее я тоже заберу, — я обняла дрожащую маленькую женщину, и подумала, что в тайнике у меня ещё оставались обезболивающие, которые позволят протянуть несколько дней точно.

— Мартин, не вздумай брать никакой еды! Тебя это тоже касается, Линда.

Как ни странно, на вид незнакомка отделалась только синяками. Она молча пошла за мной. Пока староста распекал Мартина, орал на него, что он никчёмный сын, мне удалось опустошить тайник. Марша, так звали нашу новую подругу, с радостью приняла обезболивающее.

Я знала, куда мы пойдём. Знала и то, что смогу помочь Мартину и Марше устроиться, и они выживут.

Поселение I скрылось за холмами и я достала галофон, надеясь воспользоваться GPS.

Чёрный человек не заходил в свой профиль вот уже несколько дней.

16.

Обновление от 21.03

За килограмм родия-N Вайсагер купил небольшой космический шаттл. Челнок юрко облетал объединённые коррозией здания, городские заросли, Эрех с недоумением рассматривал разруху. Как он умудрялся раньше не видеть этого? Ведь он же рисовал девушку и мальчика, он мог бы и раньше их спасти. А сейчас в его душе нарастала тревога, колким крещендо скручивая внутренности.

Вот и Ослиный лес. Вайсагер облетел темную чащобу, припарковал шаттл и накрыл челнок пологом невидимости. Мало ли.

Эрех безгласно рассматривал покосившиеся домишки, неуклюжие ограды, неопрятные конюшни и свинарники, где копошились тихие забытые люди. К нему поспешил упитанный

человечек, который — Эрих успел подметить — быстро придал лицу угодливое выражение.

— Господин, — забормотал староста, — мы же только недавно отправили вам товары.

Всем ли довольны, все ли пришлось по вкусу.

— Эрих растянул экран виртбраслета. (За ценнейший родий-N можно было приобрести гаджеты, подключенные к галасети через фальшивые аккаунты).

— Линда? Что успела натворить эта девка?

— Где она?

— Господин, — Вайсагеру показалось, что из ушей старосты вот-вот пойдет пар, — эта тварь оказалась ущербной! Она скрывала про свои болячки, она не покорила даже самому сильному воздействию щупов, даже память ей не удалось стереть!

— Где Линда?

— Я выгнал ее. — Староста благоразумно умолчал о том, что вместе с девушкой ушли Мартин и Марша. — Они пошли вон туда, — мужчина махнул рукой в направлении, противоположное тому, где припарковал свой шаттл Эрих.

Вайсагер развернулся и бегом побежал к челноку. На галофон пришло сообщение:

— Черный человек, Линда умирает.

— Кто ты?

— Мартин.

— Где вы находитесь?

— Я...не знаю. В этом городе все давно умерли.

— Не выключайся. Я попробую найти вас по GPS.

Эрих обязательно разобрался бы с мерзким старостой, но сейчас он чувствовал, что надо спешить. Ощущение беды, преследовавшее его, оправдалось.

"Линда, только не умирай, девочка."

17.

Обновление от 23.03.

День двадцать первый

Я знала, что у меня оставалось примерно десять дней. Потом я начну угасать. Марша молча шла со мной. Мартин догадался, что мы отправимся в заброшенный цветущий город, туда, откуда ушли люди, и бежал вперёд по дороге, по уже знакомому пути.

— Марша, — задала я вопрос. — Сможешь потерпеть? Нам понадобится пара дней, чтобы добраться до города.

— Как скажешь, — наша случайная спутница оказалась немногословной, хотя я видела, что ее буквально распирает любопытство. — Я могу задать тебе вопрос?

— Ты же из нашего поселения, почему тебя били? Не надо мне рассказывать про зерно.

— Я расскажу тебе как раз про зерно. Я случайно увидела, как староста продавал зерно и овощи на Нову.

— Куда?

— Я сама толком не поняла, куда, но знаю, что это не поселения. Ты знаешь, Линда, что минутки ненависти призваны нас сломать? Мы ненавидим таких же людей, как мы. Мы быстро умираем, живём впроголодь и бьём тех, кто живёт точно также. Мы не задаём вопросов, почему нам нельзя даже сомневаться в старостах. Мы просто бьём, и вымещаем на выдуманных врагах ту жизнь, в которую нас окунают старосты поселений. А старосты тем временем торгуют ресурсами, которые мы производим, и прибыль кладут в свой карман.

— Я давно это поняла. И никого не била. Марша, мы идём в заброшенный город,

староста о нем не знает. Там достаточно еды, воды, одежды, вы с Мартином сможете там жить и ни о чем не волноваться.

— Мы с Мартином? А ты что, уйдешь куда-то?

— Я медленно умираю, Марша, я всю жизнь живу на таблетках. Перед отъездом в институт родители подарили мне чемоданчик таблеток, их хватило на 10 лет. А староста уничтожил последние 10 таблеток. Ты не волнуйся, мне хватит сил дойти. Береги Мартина, пожалуйста, он очень хороший и ранимый.

Марша подошла ко мне и молча обняла. Мартин впереди читал указатели и радостно восклицал, уверяя, что мы идём в верном направлении.

18.

День тридцать первый

Я никогда не думала, что умирать так больно. Мне трудно ходить, опухли ноги. Выпали волосы и пожелтела кожа. Я не могу ничего есть. Со мной постоянно сидят Марша или Мартин. Мы поселились в небольшом домике, где в подвалах нет людей.

Мартин показал Марше полный магазин, как хорошо, что мы с ним тогда все же немного выгребли. Марша мне говорила, что Мартин нашёл ещё пару таких же, полных магазинов, и что нам хватит их до конца жизни, и ещё останется. Мартин упорно не хочет верить, что я умираю. Вот и сегодня, он в очередной раз обшаривает аптеки и аптечные отделы в магазинах, пытаюсь найти мои таблетки.

А Марша приходит и пытается впихнуть в меня овощной суп. Она где-то раздобыла баллоны с газом и подключила к допотопной плите. И теперь моя неожиданная подруга пытается меня накормить. Чтобы ее не обидеть, я проглатываю пару ложек. Потом Марша старается засунуть в меня порошки — обезболивающее, которое действует очень недолго. И пока оно действует, я могу говорить.

— Марша, Мартин сказал, в подвалах вы нашли людей.

— Скелеты, Линда, мы обнаружили множество скелетов. Они давно уже не люди.

— Почему? Прятались?

Боль — моя постоянная спутница, и я экономлю слова. Марша понимает меня с полуслова, и начинает рассказывать.

— Я не знаю, почему они все умерли, Линда, могу только предположить, что это было ещё до войны. Когда-то, моя бабушка, сохранила одну статью, я потом искала ее в интернете, в архивах, в библиотеках. Статью уничтожили. Там говорилось об одном филантропе, который считал, что в мире слишком много людей, и их надо уничтожить. Он говорил о недружественных странах, о разработках нового сверхзвукового оружия, которое убивает сверхзвуком, просто останавливая сердца. Ты посмотри, поселение сохранилось. Кажется, все люди просто массово куда-то ушли. Я так думаю, они стали жертвами чудовищных экспериментов.

Марша видит мое искаженное от боли лицо, и начинает гладить меня по руке.

— Поспи, Линда, я совсем тебя заболтала. Поспи. Я с тобой.

Я понимаю, что в воздухе висит несказанное "до самого конца". Я проваливаюсь в болючий сон.

Я не знаю, сколько прошло времени, открываю глаза и вижу рядом Мартина. У него мой галофон.

— Черный, — Мартин понимает, что я прошу его написать Черному человеку. Я вижу, как он нажимает значок толстой белой птицы. Потом снова проваливаюсь в тяжёлый сон.

19.

Обновление от 27.03

Вайсагер спешил, понимая, что у него осталось мало времени. Челнок облетал над городами, когда-то считавшимися достижениями цивилизации: Эрих машинально отмечал заросшие буйными деревьями небоскребы, видел остовы домов, ржавые костяки автомобилей, обломки рельс и асфальта. Наконец шаттл подлетел к нетронутому поселению. Вайсагер машинально подумал, что, должно быть, жители этого городка стали первыми жертвами звукового оружия. Возле бетонной коробки махал руками маленький человечек. Эрих приземлился и увидел мальчишку, того самого, который так часто являлся ему в видениях.

— Линда, она умирает, скорее, скорее!

Вайсагер побежал за пацаном. Мальчик привел его в спальню, где на узкой кровати лежала Линда, та самая девушка, которая не выходила у него из головы. Ее за руку держала маленькая строгая женщина. Эрих пощупал пульс и подхватил Линду на руки.

— Пойдемте со мной! — отрывисто бросил художник.

Парочка поспешила за Эрихом. Линде нужна была медкапсула. Вайсагер осторожно погрузил девушку в капсулу и задал алгоритм определения болезней — так и есть, Линде необходим новый орган, общее восстановление организма. Шею девушки украсит стальная бабочка.

* * *

Я плавала в забытьи, тихий мужской голос пел древнюю колыбельную: "И я отдам тебя черному человеку, он продержит тебя целый год".

Я открыла глаза. Тонкий прозрачный экран сполз и я увидела лицо мужчины, который так часто мне снился.

— Линда? — обеспокоенно спросил мужчина. — Как ты себя чувствуешь?

Это странно, но я больше не ощущала боли. Тело радовало лёгкостью.

— Я...все хорошо. Ты Черный человек?

— Да, — хмурое лицо моего собеседника осветила улыбка.

— Без тебя я бы не выжила, и раньше, и наверное, сейчас. Ты появился тогда, когда я отчаялась. И ты так часто мне снился...

— Неспроста, наверное, — снова расплылся в улыбке мой собеседник. — Теперь все будет хорошо. Я всегда буду с тобой.

— А Мартин и Марша?

— Они уже замучили меня своими вопросами. Я совсем забыл: меня зовут Эрих, и я предлагаю тебе полететь со мной.

— Куда?

— Полетим на Новую землю, там обосновался мой друг. Эту планету только осваивают, она радуется мягким климатом и фауной, схожей с растительным миром этой планеты.

— Я никуда не полечу без Марши и Мартина. Они мои друзья, они поддерживали меня все это время. Эрих, скажи... ты будешь нас бить?

— Да как ты могла такое подумать? Я скорее прибью любого, кто только осмелится причинить вам вред.

— Тогда я согласна.

Черный человек помог мне вылезти из капсулы, я сделала несколько неуверенных шагов, и на меня налетели Мартин и Марша.

— Линда, Линда! — загомонили мои друзья, — Ты жива! Здорова! Линда!

— Марша. Мартин. Черный человек предлагает нам полететь на новую планету, говорит, там очень хороший климат. Вы согласны полететь со мной?

— Ну если нас никто не будет ненавидеть, то я готова хоть в черной дыре поселиться, — согласилась на авантюру Марша.

— Мартин... ты уверен, что хочешь бросить отца?

— Линда, отец часто говорил мне, что я его самое большое разочарование в жизни. Он хотел сделать из меня такого же, как он сам, жёсткого, злого. А я не могу, да и не вернусь уже. Так что и я полечу с вами туда, куда захочешь.

Я обняла своих друзей, и на нас смотрел с улыбкой Черный человек. Я ответила ему той же улыбкой. Я теперь знала, что все у нас будет хорошо, и мы со всем справимся.

Февраль — март 2022

8. Кукла

1-ДЫ.ШАТЬ

Таких, как я, называют куклами. Мы вынуждены постоянно носить маски, даже весной, когда воздух напоен ароматами цветущих вишен и олеандров, даже зимой, когда небо пахнет каштанами, мандаринами и морозом. В городе, полном выхлопных газов. На морском берегу, обещающем негу.

Я иногда думаю, что люди тоже куклы. Вот и сейчас, в толпе, я не вижу ни одного человека без маски. Ни одного мужчины. Ни одной женщины. Ни одного ребенка. Все в масках, абсолютно все.

И никто не замечает красоты города. Все идут с виртуальными экранами перед глазами — кто-то смотрит на откровенные танцы кукол, кто-то листает биржевые сводки, кто-то смотрит рецепты, как из порошков а, в и с сделать порошок со вкусом торта.

Все проходят мимо фонтана, где ониксово-черный морской бог развлекается в окружении русалок. В фонтане давно нет воды, вода дорога. Никому не интересны затейливые дверные ручки, резные балконы, сохранившиеся фрагменты статуй или фресок.

Когда-то город был совсем другим. Исчезли ателье, существовавшие много столетий, мастерские по пошиву обуви, помпезные старинные отели, маленькие кафешки и бистро, где тебя могли напоить умопомрачительно вкусным кофе и накормить нежнейшей вырезкой. Им на смену пришли азиатские и мексиканские забегаловки, киоски с легализованной дурью.

Мой прежний хозяин многое мне рассказал. Сейчас его отправили на перепрошивку мозга, но он успел открыть мне целый мир. Совсем скоро мне на вторую инъекцию, я надеюсь, что буду помнить его слова. Какая непродуктивная эмоция — надежда. Считается, что куклы не могут испытывать никаких чувств. И все же...

Кулкам трижды делают инъекции, чтобы очистить память. После первой инъекции меня много дней ломало от боли, а потом кожа стала покрываться фиолетовой сеткой. И до сих пор, стоит мне интенсивнее испытать эмоции, как организм выдает реакцию, от которой кожа становится цвета насыщенной виолы. Виртоператор в информационном центре уверял меня, что все в пределах нормы, да, мои показатели нетипичны для кукол. Но — в пределах нормы. И второй инъекции я тоже очень... боюсь. Страх — это ещё одна, изжившая себя эмоция. Я боюсь не сломаться, боюсь забыть.

Кстати, информационные центры разместили в бывших церквях. Мой сегодняшний путь прервала музыка, пронзительная история, которую играл на скрипке человек, не желающий модифицировать свое тело и мозг, и теперь он таким образом выпрашивал вирткредиты. Ему никто ничего не давал, в информационном центре ему выдадут базовый набор порошков и предложат пройти перепрошивку. Я перечислила музыканту достаточное количество вирткредитов. Мой прежний хозяин оставил мне неприличное количество средств расчета.

Музыканты были первыми, кого когда-то уничтожили. Сначала их объявили заразными, все помещения, где играли музыку, запретили. А потом Всемирный информационный центр признал музыку нецелесообразной и непродуктивной.

А я слушала прекрасную, проникающую в сердце музыку и вспоминала, как композитор, в честь которого написали композицию, умирал. Ему тоже не хватало воздуха. Поэтому рояль, на котором играл музыкант, вынесли на террасу, и композитор дал самый лучший в жизни концерт. В гавань вернулись рыбаки, и осветили сумерки тысячью огней.

Это все поведал мне прежний хозяин. Хотя о чем я... у кукол нет и не может быть сердца. Как же я задыхаюсь в этой маске.

2-ЦЕНТР

На виртбраслет пришел вызов в информационный центр. В этом информационном центре когда-то располагалась церковь. На чердаке стоял орган, из которого лилась музыка, которую не стыдно было бы играть на небесах. Люди отмечали церемонии соединения, провожали ушедших, слушали проводников, говорящих о моральных ценностях. О том, что близких надо любить, беречь, заботиться, не красть, не лишать жизни.

Сейчас почти все эти слова устарели. Всемирный информационный центр объявил эти понятия изжившими себя, на виртэкраны всех людей и кукол регулярно выводятся инфосводки о том, в каком счастливом и безопасном мире мы живём. Центр заботится о благе граждан, а задача каждого гражданина — заботиться о благе общества.

В бывшей церкви люди выполняли устаревшие ритуалы, например, они ставили свечи и шептали набор слов, называемых молитвой, веря, что выдуманная сущность их услышит и облегчит их существование. Это считается крайне непродуктивным, полагаться на придуманное понятие. Всемирный инфоцентр заботится обо всех, о куклах и людях. Даже немодифицированные граждане могут получить базовый набор порошков.

От места культа сейчас ничего не осталось. Стерильный приглушённый белый свет, куклы в очереди. Каждая в своем квадрате. Каждая молча и терпеливо ждёт своего часа. На самом деле понятия ожидания, молчания и терпения куклам тоже неизвестны. Я пытаюсь вспомнить все, чему меня учил бывший хозяин и применить эти понятия на практике.

Мягко пульсирует виртбраслет. Я подхожу к окну. И кажется, нервничаю.

— После первой инъекции у Вас появилась нестандартная кожная реакция и болевые ощущения?

— Ответ утвердительный.

— Вы подпадаете в минорную стандартную категорию. Подойдите для ментального сканирования.

Оператор прикладывает к моей голове микросчитыватель. Я старательно вызываю в памяти синий экран и пустые виртдиректории, я показываю датчику откат к базовым настройкам.

— Процесс стирания памяти запущен корректно. Через 7 дней вам нужно явиться на повторную инъекцию.

На виртбраслет прилетел отчёт о корректном запуске стирания памяти (как говорил мой бывший хозяин, пронесло!) и новое задание:

"Я хочу научиться писать".

3- КАТЕГОРИИ (СЕСТРЫ?)

Моего нового хозяина зовут Дерек. Виртбраслет выводит виртуальный экран — я вижу улыбчивые серые глаза, которые напоминают февральское небо, пшеничного цвета волосы, классические черты лица. Раньше телосложение такого человека называли бы поджарым, сухощавым. Дерек похож на бегуна из мрамора, которого изваял древний римский скульптор. А сейчас просто бы сказали — гармоничный.

Мой хозяин живёт на отшибе, в кварталах, которые раньше считались неблагополучными, а сейчас их называют красными зонами. В сердце опять вползает устаревшая эмоция — страх. Я активирую режим готовности и иду мимо грязных обшарпанных домов, где люди курят и пьют.

Одну куклу заставляют пробовать... траву. Представительница моей категории втягивает в себя свёрнутую в трубочку бумагу, набитую каким-то сеном, я вижу, как ее глаза застилает туманом, она кашляет. Куклу начинают передавать по рукам, ее раздевают, трогают, смеются. Неопрятные люди играют моей... сестрой, да, сестрой. Я вдруг почувствовала на себе ее взгляд. Куклы не могут испытывать боль.

Прохожу ещё несколько таких же запущенных улиц. На ещё одну куклу кричит замызганная негармоничная женщина. У незнакомки лишний вес, засаленные волосы, неопрятная одежда, тут и там пятна. Моя сестра молча стоит, выслушивая крики. Женщина отвечает кукле пощечину и продолжает истошно орать.

Я думаю, что мне надо было выбрать другой путь, пусть более долгий, а не срезать расстояние через красную зону. Осталось миновать отделение порядка Всемирного информационного центра, и я буду почти у дома Дерека.

У здания порядка, лаконичного, кристально-белого, огонь. Самовозгорелся человек. Рядом стоят пожарные и ждут, когда мужчина догорит. В инфосводке Всемирного информационного центра сообщили, что сгоревший был учителем, он не захотел перепрошить свой мозг. Учителя давно уже не нужны, есть виртоператоры, которые в любое время предоставят тебе доступ к запрашиваемым знаниям. Правда, мой бывший хозяин говорил, что знания стали никому не нужны. Большинство информации помечено тегом "устаревшее, непродуктивное, нецелесообразное". Как музыка. Как вот этот догорающий человек.

До меня вдруг доходит, что мой бывший хозяин тоже был учителем. И если бы не дети, отправившие его на перепрошивку мозга, кто знает, может, он учил бы меня и сейчас. Я вспоминаю искаженные болью лица своих... сестер, да, сестер и надеюсь, что с Дерексом мне повезет.

Куклы не могут испытывать чувства.

-

4-ИМЯ

Его дом стоит в отдалении от всех остальных домов. Рядом шумит река, склонили нежно-зеленые головы в рощице березы, тянет шпиль к небу бывшая церковь и нынешний информационный центр. Его дом не похож на одобренные Всемирным инфоцентром безликие кубы.

Такие дома строили ещё сто лет назад. Я замечаю и облупившуюся побелку фасада, и черепицу, выгоревшую под воздействием осадков. А самое главное, я вижу моего нового хозяина. От солнечной улыбки Дерека куда-то под сердце заползает тепло, и мои губы сами собой растягиваются в ответной улыбке.

— Кукла прибыла по Вашему заданию, хозяин Дерек, — я говорю нейтральным и максимально дружелюбным тоном.

Мужчина взлохмачивает себе шевелюру неправильным жёстом и улыбается. Он рассматривает меня, и в его взгляде я не чувствую зла.

— Кукла...блин, чувствую себя Карабасом каким-то. Ты такая хорошенькая и живая.

— У тебя есть имя?

— У кукол не может быть имен.

— Я совсем забыл. Хорошо, как бы ты хотела, чтобы тебя называли?

Виртбраслет выдал информацию про Карабаса, одиозный персонаж из детской сказки. Сейчас детям не читают книг. С 6 месяцев младенцы начинают смотреть обучающие видео, и родители заводят им аккаунт в сети Всемирного инфоцентра. Взгляд цепляется за солнце за окном, ласкающее кроны деревьев. Я всегда заворожено наблюдаю за рассветом, хотя физики и географы давно объяснили это природное явление.

— Альба, — говорю я. — "Заря" на языке древних римлян.

— Рассвет, значит, — Дерек опять улыбается. — Хорошее имя. Проходи, ясная Заря.

Мой новый хозяин открывает мне дверь. Кукле стоило бы заметить, что данный жест относится к устаревшим, нецелесообразным в отношении индивида-не женщины, но я молчу, распрямляюсь и принимаю приглашение Дерек.

Меня зовут Альба. У меня теперь есть имя.

-

5-MORE

Дерек продолжает мне улыбаться, и ласково говорит:

— Альба, да сними ты в конце концов маску. Или ты веришь в то, что кук...такие, как ты, могут заразить людей?

— Я абсолютно стерильна, хозяин Дерек.

Виртбраслет выводит экран с результатами моего сканирования.

— Зови меня Дерек, ладно? Я все же не какой-то рабовладелец! И сними наконец эту маску!

Я сдираю с себя ненавистную пятислойную тряпку и вдыхаю. Чувствую запах соли, рыбы, солнца.

— Да что ж это я, держу гостью на пороге! Проходи. Или, — лицо Дерек снова освещает теплая и какая-то задорная улыбка, — Альба, хочешь на море?

— Море? А разве море не опасно?

— Не опаснее, чем ходить по красной зоне.

На моём лице отражается тень сомнения. Я смирилась с тем, что у меня несоответствующие реакции для кукол. И такие...прекрасные, и уж точно я не буду сообщать об этом во Всемирный информационный центр.

Дерек берет мои руки в свои и внимательно заглядывает в глаза.

— Альба, поверь, я ни за что не обижу тебя и не причиню тебе зла. Море удивительно. Жителям города говорят, что оно несёт опасность, потому что человечество разучилось плавать, и института спасателей уже давно нет.

Дерек тоже использует устаревшие слова в разговоре, виртбраслет снова выводит экран — люди в красных жилетах, смешные узкие лодки. И вода. Много воды. Столько воды просто быть не может. Это... море?

Мы выходим за порог устаревшего дома Дерекка. Мужчина держит меня за руку и это... приятно. На мгновение можно представить, что я человеческая женщина.

— Альба, — я замечаю, что мой хозяин без обуви, — ты не хочешь снять свою обувь? Это не больно, не опасно и не ядовито. Просто поверь.

Я нажимаю на кнопки у колен, стерильные сапоги послушно сползают. Ногам ... щекотно, тысяча мелких частиц обнимает мои ступни, некоторые оседают белыми точками на ногах.

— Это песок, — весело замечает Дерек, — это просто песок. Мы с ним идем по мелким щекочущим частицам, и выходим на пристань — длинную дорогу, ведущую к зданию, построенному из досок, чем-то похожому на дом Дерекка.

О ржавую ограду разбиваются...затрудняюсь подобрать определение, и виртбраслет тоже молчит... куски движущейся воды. Я вижу, как Дерек не может сдержать улыбку.

— Альба, эта вода — волны, часть моря, волны движутся, есть приливы и отливы. Да, и сети Всемирного инфоцентра здесь тоже нет.

Мы идём по пристани, песок смешно шевелится под моими голыми ступнями, в лицо дует ветер, волны дарят ощущение свежести, и водная громада за оградой не пугает, а вызывает лишь любопытство. Я чувствую себя счастливой, на своем месте. Память почему-то выдала старинную китайскую пословицу. Вместе с моим бывшим хозяином мы изучали китайскую философию.

"Жизнь — сейчас. Будущее никому не обещано".

Как бы я хотела, чтобы это "сейчас" длилось вечно.

6 — РЫБА

Я замечаю, что ветер, дующий в лицо, жаркий и влажный, волосы прилипают ко лбу, однако от массы воды, которую мне все ещё трудно называть морем, идёт прохлада.

— Это сирокко, африканский ветер, — замечает Дерек. — Его ещё называли "ливийский флейтист". Представляешь, Альба, в пустыне этот ветер может переносить красную и белую пыль в другие районы, и тогда в тех местах выпадают кровавые или молочные дожди.

Я представила себе пустыню, бескрайнее сухое море, полное песка.

Дерек держит меня за руку, ему нравится ко мне прикасаться, и я чувствую приятное тепло, когда чувствую, как мою ладонь накрывают его мозолистые шершавые руки.

Людям запретили прикасаться друг к другу ещё сто лет назад, когда вирус, искусственно выведенный в синьской империи, послужил началом Большой Перезагрузки. С тех пор люди не трогают друг друга, не целуются, не обнимаются. Даже воспроизведением потомства занимаются в специальных герметичных костюмах, для половых органов оставляют отверстия. Обязательна поза "ложки", когда мужская особь находится сзади женской. И ношение масок тоже обязательно.

— О чем ты думаешь? — спрашивает Дерек.

— Мне приятно, когда ты прикасаешься ко мне.

Мужчина внезапно краснеет от моих слов. Тут я замечаю, что мы уже находимся в здании из досок. Здание — прямоугольное, в центре находится большой...камин? очаг? Деревянная устаревшая мебель располагается на расстоянии двух метров друг от друга. Дерек включает свет, не современные галоионные лампы, а старые, дающие тёплый рассеянный свет. От этого освещения становится уютно.

Дерек совершает какие-то манипуляции, и в камине, в центре помещения, загорается пламя. Он видит мое недоуменное лицо и опять улыбается.

— Не бойся огня, Альба. Сейчас я приготовлю нам ужин. Сегодня утром мальчишка-рыбак продал мне замечательную рыбину.

Рыбу? Продал? Мальчишка-рыбак? Этот мужчина устаревший и негармоничный. Во Всемирном инфоцентре его наверняка отправили бы на принудительную перепрошивку, как объекта, опасного для общества. Но я лучше добровольно сожгу себя, как тот учитель, чем расскажу о Дерекке. И потом, куклы ни словом, ни делом, ни помыслами не могут причинять вред хозяевам.

— А...порошки? — только и задаю вопрос я.

— Альба, вот увидишь, настоящая рыба куда лучше и питательнее порошков со вкусом рыбы.

Дерек быстро накрывает на стол, вместо стерильных нейропластиковых контейнеров ставит на стол керамическую посуду, алюминиевые вилки, стеклянные бокалы. И одновременно мужчина продолжает что-то делать на костре. От костра исходит приятное тепло, но я знаю, что костер может разрушать.

— Будем открывать тебе мир, — говорит Дерек. — Альба, закрой глаза. И жуй.

Он кладет мне на язык кусочек чего-то, кусочек пахнет морем, он маслянистый, терпкий, чуть солоноватый и тает во рту. Не сравнить с безвкусными и полезными порошками. Я открыла глаза и удивлённо воззрилась на нежно-розовый кусок еды.

— Это та самая рыбина — лосось, Альба, я добавил болонской соли и розмарина. Ну как, лучше порошков?

— Порошки..., - я задумываюсь, чтобы подобрать определение, — никакие. У них нет вкуса. А лосось, — я перекаत्याю на языке новое слово, — он...тает во рту.

— Тебе понравилось, — расплывается в довольной улыбке Дерек, — попробуй вино.

Он наливает в мой бокал темно-рубиновую жидкость. Напиток отдает кислинкой и слабыми фруктовыми нотками.

— Вижу, рыба тебе пришлась по душе больше.

Я смотрю, как Дерек орудует устаревшими столовыми приборами и повторяю за ним.

— Ну а теперь мы поговорим, — заключает мужчина. — Помоги мне научиться писать, Альба.

Мне не нужен виртбраслет, чтобы вспомнить подготовленную информацию.

7-НЕ ТО

Я с легкостью воспроизвожу в памяти данные.

— Дерек, — задаю уточняющий вопрос я, — зачем ты хочешь научиться писать? Ты не похож на неграмотного человека из красного квартала, который работает на простейших должностях, не требующих образования. Я склонна думать, что у тебя классическое, даже устаревшее образование, непрогрессивный склад ума, возможно, ты из бывших учителей или учёных.

Дерек не даёт однозначного ответа и неопределенно кивает. Я считываю заинтересованность в его взгляде.

— Значит, обучающие пособия я тебе воспроизводить не буду. Остаётся вывод — ты хочешь зарабатывать писательской деятельностью.

— Допустим.

Всемирный инфоцентр упразднил издательства, цифровые и бумажные. Деятельность бумажных издательств признана нецелесообразной и непродуктивной, даже — откровенно опасной. Для производства книг используется бумага, полученная из деревьев, энергия и токсичные краски. Электронные издательства тоже потеряли популярность, любой пользователь мог в любое время получить доступ к базе литературы Всемирного инфоцентра. Если электронную книгу читали, то инфоцентр на базе статистики определял, насколько популярно произведение и сколько вирткредитов заработает автор.

Только... мышление людей за последнее столетие после Большой Перезагрузки изменилось, и нужно учитывать популярные тематики.

А это обязательно — модифицированный перепрошитый герой с новым телом и новыми мозгами, который покоряет планеты или средневековые государства. Герою всё даётся легко, у него, помимо перепрошитого организма, обязательно наличествуют суперспособности, много женщин и невероятная удача. Нужно не забывать, что и восприятие людей за последнее столетие тоже изменилось, из линейного стало дисперсным, значит, пишем коротко, просто, самую суть. Тогда книга обязательно станет суперскачиваемой, а Всемирный инфоцентр отсылет множество вирткредитов. Ещё лучше сделать проекцию и подобрать кукол, которые разыграли бы книгу. Осталось придумать сюжет и приступить.

Пока я излагала все это Дереку, с его лица не сходило выражение задумчивости.

— Нет, Альба, такие, с твоего позволения "книги" — разве что для малышей или обитателей красных зон. Я хочу писать так, чтобы у читающего возникали эмоции, чтобы он думал, чтобы у него болело сердце.

Вот так.

Дерек закрыл глаза и начал тихо читать, по памяти:

Здравствуй, любовь моя, вчера зажигал маяк — встречать корабли,

Гонял разбесившихся чаек, устроивших гнезда на крыше,

К берегу прибило фрегат, парус обмяк — он не достиг земли,

Русалки устроили пляски, кричали, чаровали мальчишек.

Веришь, любовь моя, я оставался суров, что мне их груди, их очи,

Море бушевало и билось о стены моего маяка, голодное.
Знаешь, любовь моя, каково мне даются все эти адовы ночи,

Одинокие, грозные, жуткие, полные моря и такие холодные.

Я твердил, ты придешь, принесешь пирог, наденешь мой плащ,

Мы будем пить грог и уютно молчать в гармонии двух сердец.
Чайки глядят на обломки, верещат "Не плачь же, не плачь",

Твоему мальчонке мастерит каравеллу другой отец.

(*стихи автора)

После его слов в помещении воцарилась тишина. Как, как простые строки могут описать море? Одиночество, ночь, эмоции, от которых сдавило искусственное сердце. Куклы не умеют, не должны чувствовать, и все же стихи отзываются во мне. Я осознала, что со мной что-то не так, и уж конечно, я не скажу об этом ни во Всемирном инфоцентре, ни тем более Дереку. Дерек тоже не похож ни на одного из людей, разве что немного напоминает моего учителя. Я люблю учиться.

— Я хочу писать о войне и любви, Альба. Я хочу писать о жизни, и вызывать эмоции. Не развлекать, а заставляя думать. Мне никогда не давалось стихосложение, зато проза всегда была моей мечтой. Настоящая проза, а не эти... короткие фразы для дураков.

Знаешь, нам с тобой нужно попасть в одно место, а пока пойдем к морю.

-

8-ВОДА

Мы выходим из дощатого здания, идём по пристани, я чувствую песок, прилипший к моим ногам, и это ощущение вызывает улыбку.

Влажный ветер взлохматил мне волосы.

— Тебе холодно? — спрашивает Дерек.

— Я могу отрегулировать температуру тела.

Он ведёт меня по песчаному ковру прямо к воде. Я вижу нагромождение камней, негармоничных (как сказал бы мой бывший хозяин — жирных) птиц, лениво разложивших свои тушки на камнях.

Мы идём по песку... в воду. Мои ступни окатывают волны, и я ощущаю прохладную свежесть воды, чувствую приятный холод, и мне хочется пойти дальше.

— Осторожнее, ты не умеешь плавать! — предупреждает Дерек, видя, как я собираюсь зайти все дальше и дальше. Мой хозяин держит меня за руку.

Инфобраслет даёт о себе знать мягкой пульсацией, но мне почему-то не хочется вызывать виртэкран с изображением морского дна. Вода дарит успокоение и безмятежность. Я впитываю эти эмоции, как пустыня впитывает кровавый дождь.

— Альба, завтра ты свободна?

— Я полностью в твоём распоряжении, Дерек.

Мужчина продолжает обращаться со мной, как с человеком, и мне это нравится. Дерек предлагает меня проводить, я вежливо отказываюсь. Он возвращается в свой устаревший дом, и просит прибыть меня завтра.

Я огибаю красный квартал. Город, раньше столь привычный, почему-то стал вызывать непонятное отторжение. Средневековая, любовно создававшаяся архитектура, портики, резные балконы, фигурные окна, остатки фресок резко диссонируют с безликими кристально-белыми кубами. Белый цвет, долженствующий обозначать стерильность, торжество разума и технологий, совершенство линий, идей и помыслов, кажется мне пустым.

Я думаю, что пройдет ещё несколько столетий, и город превратится в один сплошной безликий куб.

Я возвращаюсь в капсулу и включаю подзарядку. Воскрешая в памяти сегодняшние события, я замечаю, как на моей коже яркими пятнами расцветают фиолетовые цветы. И мне кажется, что меня убаюкивает вода.

-

9-БИБЛИОТЕКА

Я снова пришла к Дереку, он открывает мне дверь и согревает лучезарной улыбкой. Я греюсь в его улыбке, так чахлый росток пробивается к солнцу.

— Альба, снимите маску, — просит Дерек, и ненавистная тряпка летит в ближайший утилизатор.

Мы идём пешком, хотя Дерек мог бы взять гравикар. Сегодня я радуюсь городу, пусть он неоднороден, и повсюду виден и упадок прошлого, и торжество настоящего. Толпа тоже не раздражает меня. Я замечаю кукол, сопровождающих своих хозяев, они, как верные тени, следуют за людьми, я вижу, что люди не смотрят на город. Им безразличны портики, безразличны две башни, тянущиеся вверх, безразлична резная архитектура церквей. Люди носят маски, не отрывают взгляда от виртбраслетов, не смотрят друг на друга, не смотрят на лазурное небо, чистое-чистое, прозрачное, как море. Теперь мне есть с чем сравнивать.

Дерек ведёт меня закоулками, охряные, жёлтые, оранжевые здания радуют теплым разноцветьем и весёлыми балконами. В стеклянных витринах я вижу заводные поезда, старую машинку Зингер, на которой когда-то шили ручную обувь, вижу манекены с ... виртбраслет подсказывает "офисными образами", одежду, которую никто больше не купит.

Кстати, Дерек-то не носит стерильные герметичные костюмы. На нем простая хлопковая рубашка, джинсы и кроссовки. Кажется, он сошел со старой проекции.

Мы приходим к старому незаметному зданию. Я вижу двери, где время уже оставило свой отпечаток на древесине, в холле нас встречает скелет динозавра и старая женщина в очках. На ней черное платье в горошек и что-то похожее на шаль. Незнакомка давным-давно могла бы сделать и коррекцию зрения, и коррекцию фигуры.

Дерек протягивает ей бумажный прямоугольник и тянет меня в огромный зал. Из кресел давно вылез поролон, а шкафы полны книг. Дерек петляет между шкафами, сверяется с буквами на мебели, и достает какую-то книгу.

— Мы в библиотеке? — спрашиваю я. — Их же давно уничтожили, они устарели и нецелесообразны, книги давно переведены в цифру.

— Читай, Альба, — ласково просит Дерек и протягивает мне книгу.

Как странно трогать бумагу... Книги пахнут деревом, краской, пылью и немного временем. Я потерялась в царстве историй, которые никто никогда не прочитает. Я трогала пыльные корешки, читала названия, и понимала, что мы потеряли что-то очень очень важное. Книги на виртбраслетах превратились в стену текста, они перестали рассказывать о прежних временах, учить каким-то ценностям.

И Дерек словно прочел мои мысли и тихонько сказал:

— Нынешние представители рода человеческого, Альба, полностью подвержены культуре потребления. Люди читают книги, написанные короткими предложениями, бесконечно совокупляются, едят, смотрят короткие видео в сети Всемирного инфоцентра, и совсем перестали думать. Те книги, которые остались, не несут в себе ничего ценного, они призваны развлекать.

— А я, я хочу писать о любви к людям и любви к жизни. Писать о войнах, которые мы уже не помним. Историю нельзя забывать, а ты мне в этом поможешь. И пусть мою книгу никто не прочитает, — добавил Дерек, — я должен ее написать.

10- БОЛЬ

Сегодня мне нужно было делать вторую инъекцию для очистки памяти. Дерек вызвался сопровождать меня в информационный центр. Кукла-охранник простейшей модификации преградил моему хозяину путь. Мужчина просто сказал, что сопровождает меня.

И снова к моему виску приложили микросчитыватель, и вновь я вызываю образ синего экрана и пустые виртдиректории. "Процесс стирания памяти продолжается корректно, очищено более 70 % виртдиректорий куклы. "

Я удерживаю безучастный намек на улыбку на лице, по моим жилам струится жидкий огонь и вызывает адскую боль. Дерек понимает, что со мной что-то не так, вызывает гравикар.

Мне больно, меня корежит и ломает так, как будто меня истоптала армия строительных ботов.

Я. НЕ ХОЧУ. НИЧЕГО. ЗАБЫВА...

— Альба, Альба, — взволнованно кричит Дерек. — Как я могу тебе помочь?

— Выкл...выключи...

Искусственное сердце перестает биться, и я проваливаюсь в беззвучную темноту. Последнее, что вижу, перед тем, как отключиться — обеспокоенный взгляд Дерек.

-

11 — МУЗЫКА

Я открываю глаза и вижу, что лежу на белом диване, в комнате, которая ещё сто лет назад показалась бы обычной. Шкаф, полный книг, будильник на полке, кактус. Интерьер не стерилен и не технологичен. Дерек с волнением смотрит на меня.

— Альба. Ты в порядке?

Я едва улыбнулась: такой вопрос люди обычно задают, когда их собеседник не в порядке. И я решаю поделиться мучающими меня сомнениями.

— Дерек, я...тебе нужно отправить меня в информационный центр. Я не потеряла память после того, как дети прежнего хозяина разорвали со мной контракт. И после второй инъекции...вот.

Я показываю мужчине руки, испещренные фиолетовыми цветами. Если бы я не знала, что это отклонение, то решила бы, что этот кожный узор гармоничен.

— И...у меня нестандартные реакции. Я...чувствую, Дерек. Тебе нужно отправить меня во Всемирный информационный центр, меня отправят на утилизацию, раз перепрошивка и стирание памяти не сработали.

— Альба, какую совершенную чушь ты несёшь! Ты чище, живее, любознательнее многих из обычных людей, из всех, кого я когда-либо знал. Я никуда тебя не сдам, да и потом...что-нибудь обязательно придумаю. Помнишь, я говорил тебе, что ты можешь мне доверять? Как ты себя чувствуешь?

И снова вопрос, который адресуют людям. Я проверяю рефлекс, реакции.

— Все в порядке.

— Тогда пойдём. Я хочу показать тебе кое-что.

Я поняла, Дереку нравится открывать мне мир. Он тоже меня учит.

Дерек вызвал гравикар, и мы приехали в заброшенный квартал. Как странно, видеть места, не тронутые цивилизацией, пустые глазницы домов, потрепанную древесину домов.

Мы входим в здание с покосившейся вывеской и когда-то выбитыми стеклянными дверями. Огромный тёмный зал. Пустой и уютный.

— Здесь когда-то смотрели фильмы, Альба, — тихо говорит Дерек, — в будни, а особенно в выходные этот зал до отказа наполнялся толпой: семьи, дети всех возрастов, парочки, подростки. А потом, с приходом синьского вируса, кинотеатры, также как и театры, и филармонии когда-то, объявили разносчиками синьской заразы. Через год, — Дерек неопределенно махнул рукой в сторону коридоров, — кинотеатрам разрешили открыться, чтобы высидеть сеанс, нужно было носить пятислойные маски, примерно такие, какие должна носить ты. Остался только этот зал.

Дерек внезапно обнимает меня, я чувствую тепло его руки на своем стерильном костюме. Мужчина включает виртбраслет, загорающийся мягким свечением, и оттуда доносится проникновенный голос. Я понимаю слова, это устаревший язык англов. Тихое бархатное пение пробирает до дрожи.

— Я говорю ему, что он нужен мне, как розам нужен дождь, что без него мои мечты напрасны, я просто говорю, что люблю его...

— Люди любили танцевать, Альба, — шепчет Дерек, он ведёт меня в танце. — Потом прикосновения запретили, объявили разносчиками микробов. После введения закона о личном пространстве танцы объявили приносящими вред здоровью. Танцуй, Альба, просто танцуй со мной.

Я понимаю, что странный танец в пустом заброшенном теплом зале под голос женщины, которой давно уже нет — это самое прекрасное, что когда-либо могло со мной случиться.

Композиция: Nina Simone — Just say I love him.

12-ЛАЗАНЬЯ

Виртбраслет мягко пульсирует на моем запястье. Музыка заканчивается, и

заканчивается волшебство. Люди так раньше называли что-то нестандартное, выходящее из привычных каждодневных параметров.

— Я отправил тебе видео, книги, документальные материалы, Альба, — говорит Дерек. — Потом я поделюсь с тобой мыслями. А сейчас...ты голодна? Я хочу пригласить тебя в одно заведение.

— Мне достаточно питаться один раз в день, базовым набором порошков.

Все заведения общепита похожи друг на друга, как ... капли воды. Нейропластиковые интерьеры, совсем как в информационных центрах. Удобные сидения и подставки, считывающие тепловые излучения людей и кукол, и подстраивающиеся под них. Интерактивное меню, взаимодействующее напрямую с виртбраслетом, достаточно просто прикоснуться браслетом к темному экрану, как тут же засветится меню и выдаст каждому индивиду персонализированный рацион из порошков, на основании потребности организма в различных веществах. Все стерильно, одинаково и гармонично. Гармонично ли...?

— Альба, это не то, что ты подумала, — улыбается Дерек. От улыбки этого мужчины мое искусственное сердце тоже хочет улыбаться. — Мы с тобой посетим ещё одно забытое место.

И снова гравикар везёт нас в отдаленный квартал, который радуется рыжей и приглушенно-розовой расцветкой домов. В одном доме жил поэт. В другом доме, напротив, жил основатель радио. Дерек ведёт меня по узким улочкам, и мы приходим... в Таверну, как гласили выцветшие золотые буквы.

Дерека обнимает пожилая женщина, она не захотела омолаживаться и модифицировать свое тело, старость ей идёт.

— Не выдавай меня инфоцентру, дочка, — говорит незнакомка. Объятия-то давно запрещены.

— Куклы ни словом, ни делом, ни помыслами не могут причинить вред людям, — доброжелательно отвечаю я.

— Лиза, накорми нас своим фирменным блюдом, — весело говорит Дерек, и отодвигает мне стул. Я начинаю привыкать к устаревшей мебели, к деревянным столам, покрытым натуральными тканями, и с нетерпением жду нового блюда.

Женщина приносит керамическую посуду, в которой аппетитно дымятся зелёные квадраты, покрытые странными мясными катышками.

— Пробуй, Альба, — говорит Дерек, и по его взгляду я вижу, как он предвкушает мою реакцию. Мягкость, сочность, нежность.

Дерек снова расплывается в улыбке.

— Это лазанья, Альба. Соус бешамель, мясное рагу. Тесто со шпинатом, проложенное слоями соуса и рагу. Изначально лазанью придумали древние греки, и запекали ее вообще в горшочках.

Рад, что тебе понравилось. Еда — это искусство, Альба. Это — любовь к жизни, к своей культуре и к самому себе. И еда — это совсем не то безобразие, о котором ты подумала.

Люди разучились готовить, Альба. Зачем изучать новые рецепты, выстаивать часами у

плиты, когда можно закидаться порошками? Люди потеряли возможность выражать свои чувства посредством готовки. Зачем тратить время на приготовление пищи, когда можно зависнуть в инфоцентре за просмотром новых видео? А если хочется чего-то новенького, смешай несколько порошков, и получи новый вкус. Только вряд ли кто знает, что порошки — это не только химические соединения, а ещё и измельчённые черви.

Лазанья тает у меня во рту, я наслаждаюсь феерией вкуса, и укрепляюсь во мнении, что люди потеряли слишком многое. Мой хозяин, сидящий напротив, вдруг погрустнел, и молча прикончил свое блюдо.

13-МАСКИ

Я перечислила Лизе больше вирткредитов, чем было написано на старом бумажном ценнике, который почему-то имел название “меню”.

Куда мне столько, дочка?

Найдешь, куда потратить, — улыбнулся Дерек пожилой женщине.

Ваша...еда отличается от порошков. Не сравнить.

Женщина довольно заулыбалась и обняла меня. Я почувствовала странное тепло от объятий. Пусть и считалось, что прикосновения разносят болезнетворные бактерии, прикасаться — это так... правильно.

Я спросила Дерека, почему его эмоциональный фон изменился.

Альба, ты не думала, почему люди стали такими безвольными? Все началось с деиндивидуализации. С масок, которые были призваны защитить от болезни, а на самом деле обезличили людей, лишили их уникальности. А обезличили-то хитро, смотри, людям внушили, что маски — это ради их же блага. И сейчас, когда человечество практически избавилось от болезней, ты не встретишь человека без маски. Все это стало только первым шагом.

Развитие технологий подарило нам удобную жизнь, но лишило людей возможности совершенствоваться. Да, — тут Дерек замолчал и замялся, — появились куклы, появились роботы, которые выполняют простейшие работы, те, где совсем не нужны люди, да, прогресс полностью изменил нашу жизнь, но ты посмотри вокруг. Людям ничего не интересно, они хотят только развлекаться. Всемирный информационный центр воплотил в себе все: функции банков, денежные средства давно превратились в вирткредиты, функции медицины — за любые болезни и неполадки отвечают операторы. Вместо музыки, фильмов и искусства остался ограниченный набор звуков, короткие видео и проекции. Почему люди допустили это? Где, когда, на каком повороте мы потеряли самих себя? Вот что долгое время не дает мне покоя, Альба. Вот о чем я хотел бы писать.

Изучи, пожалуйста, все, что я тебе прислал. И давай подумаем вместе. Где, когда и почему все пошло не так.

14- КУКЛА

Могут ли куклы ощущать себя одинокими? В тот же вечер я подготовила все, что просил Дерек. Он все же тяготел к созданию научных трудов и хотел проследить путь эволюции человечества. Я поглощала книги, документы, фильмы, старые пленки, что он мне прислал, и подготовила развернутый план будущей книги. Конечно, как Дерек и говорил, эта книга не

будет продаваться, и наверняка во Всемирном инфоцентре ее пометят тегом “непродуктивное, нецелесообразное”, но мне уже не терпелось начать работу.

Виртбраслет молчал. Я решила, что Дерек посвятил мне несколько дней выходных или отпуска, да, эти понятия по-прежнему в ходу и терпеливо ждала. Мне не хотелось есть, мне не хотелось совершать бесцельные движения (как говорят люди, прогулки) по городу. Я лежала в капсуле в режиме ожидания и ждала, когда меня позовет мой хозяин.

Прошло долгих пять дней и наконец виртбраслет порадовал меня мягкой пульсацией.

“Альба, приезжай, пожалуйста”. Я вызвала в памяти все файлы и приготовилась творить.

Меня встречал смущенный Дерек.

— Альба, пойдем на пристань, пожалуйста, нам нужно поговорить.

Искусственное сердце часто-часто застучало. Что-то пошло не так.

Сегодня я не замечала ни красоты моря, ни мириады песка, липнущие к стерильным сапогам, и даже жирные чайки, облепившие скалы, не вызывали умиления. Дерек молчал.

— Альба, черт... — он упомянул старинную негативную сущность, — как же сложно! Альба, я...

На виртбраслет пришло сообщение: “Контракт изменен. Объект направляется на бессрочное проживание в... виртбраслет выдал заковыристое определение ресторана, где мы с Дерексом когда-то ели лосося... устаревшей локации. Цель — написание книг. Вторичная цель — наблюдение за морской флорой и фауной и фиксирование результатов.”

Потом, мгновенно, пришло еще одно сообщение: “Третья инъекция для очистки памяти отменена. Инфоцентр зафиксировал полную очистку памяти объекта.” Виртэкран выдал полную инфосводку, где отражалась моя полная очистка памяти. Как? Зачем?

— Вижу по твоему лицу, что у тебя все больше вопросов, — продолжил Дерек. — Я из белой зоны, Альба. Моя семья стояла у истоков технологических изменений, мы богаты, и даже в этом мире, где технологии облегчают каждый твой шаг, богатство по-прежнему остается определяющим. Есть такое понятие, которое не меняется из века в век — “старые деньги”. Это когда поколения богатых людей, чтобы стать еще богаче, соединяют капиталы. И очень часто это происходит через брак. Я должен жениться, чтобы позиции моей семьи укрепились. Да, Альба, по-прежнему несколько семей правят миром и борются за власть. С этой женщиной я должен буду завести ребенка, встать во главе семейной корпорации и прожить жизнь, которую проживали мой дед и мой отец. Мне жаль. Ты удивительная, прекрасная, чуткая девушка. Мне жаль, что я так и не смог исполнить свою мечту, написать книгу, разобраться, что пошло не так по пути развития человечества, рассказать о войнах и о любви. О том, что любовь важна, что любовь важнее всего на свете.

Особенно жаль, что я не смогу написать книгу с тобой. Ты пиши, помнишь, в нашу первую встречу ты принесла мне множество рекомендаций? Может, ты станешь популярной писательницей или захочешь рассказать людям о том, что они потеряли.

Сегодня в здание ресторана привезут твою капсулу. Я перечислил тебе вирткредиты, их

хватит тебе на очень много лет, даже если ты захочешь вести жизнь технодивы. Я уезжаю и из своего дома. Теперь мне придется выбрать современную технологичную коробку, наштигованную последними новинками. Прости меня, Альба.

Дерек хотел сказать что-то еще, легонько тронул меня за руку, и ушел. А я стояла возле старого ресторана, в котором никогда не зажгут камин для посетителей, и смотрела, как уходит мужчина, который сумел разбудить во мне эмоции. Почему-то я не смогла и слова вымолвить в ответ.

Когда-то дети у людей играли в пластиковые фигурки, называемые куклами. Девочки наряжали свои пластиковые подобию, причесывали их, разыгрывали сценки, вроде тех, которые сейчас можно разыграть с куклами, снимали кукол в соц. сетях, куклы становились технодивами. Девочки привязывались к куклам и хотели быть похожими на своих любимиц. А потом девочки вырастали, и забывали тех, с кем выросли и проводили время.

Вот и я чувствовала себя куском пластика, из которого выросли. Как больно, когда ты кукла, в которую перестали играть.

15-ДЕРЕК

Несколько дней я лежала в капсуле и молчала. Я не хотела есть, не хотела ничего делать, просто лежала в капсуле на подзарядке и смотрела, как на моей коже расцветают фиолетовые узоры.

Все, что я чувствовала — это одиночество и пустота, и даже если бы я сейчас отправилась в город, в самую толпу, мне все равно было бы одиноко. Я чувствовала пустоту, чувствовала себя массой воды, бьющейся о камни.

Не знаю, сколько дней прошло, прежде чем я решила встать. Мою капсулу установили на втором этаже бывшего ресторана, под старой забавной лампой, которая горела теплым светом. Я выглянула в окно, и увидела как жирные чайки топчутся по песку.

И неожиданно для себя я пришла в далёкий квартал, с тёплыми серо-розовыми домами. В Таверне Лиза что-то напевала, а из кухни доносились аппетитные запахи еды. Порошки никогда так не пахли.

Женщина обернулась, увидела, как по моему лицу текут фиолетовые слезы, молча посадила меня за стол, и обняла. От ее объятий захотелось плакать ещё больше, но я почувствовала, что мое искусственное сердце оттаивает. Говорят, куклы не могут чувствовать, а я давно поняла, что я неправильная кукла.

— Дочка, — Лиза погладила меня по лицу, и от этого жеста мне стало на мгновение легче. — Я сейчас заварю тебе крепкий кофе и угощу своими фирменными булочками. Ты знаешь, мне удалось достать настоящий изюм, а тесто получается рассыпчатым, таким, как нужно. А ты поплачь, поплачь, легче станет, не держи в себе.

Женщина ничего не спрашивала, что-то пощелкала в старой допотопной машине, и залу наполнил горьковато-терпкий аромат, пахнувший солнцем и теми самыми бобами, которые до сих пор добывают в южных странах.

— Пей, дочка, пей, все пройдет. А вообще, найди себе дело, знаешь, девочка, работа лечит от боли.

Лиза всучила мне толстую древнюю книгу со странной надписью "поваренная". Оказывается, не обязательно смотреть видеорецепты в сети инфоцентра. Да там и не показывают ничего, кроме порошков. А древние видео в аналоговых ресурсах давно квалифицировали как "неактуальные и устаревшие". Буквы на бумаге могут подробно объяснить, что делать.

Я приходила к Лизе каждый день, и она учила меня готовить.

А ещё я наблюдала за чайками, за тем, как они ловко ловят прозрачных рыбин в морской глади. Я училась жить с пустотой внутри и мыслями о Дерекке. Главное, чтобы он был счастлив, и все у него было хорошо.

Виртбраслет выводил мне видеосообщения Дерекки, я запомнила все его слова и улыбки. Чайкам нравятся мои булочки с маком. Лиза рассказала мне, в каких магазинах можно до сих пор купить продукты. Инфоцентр на мой запрос о подобных лавочках всегда выдавал "некорректная формулировка".

И я пишу, каждый день пишу. Пишу свою историю — на бумаге, пишу рецепты, которыми щедро делится со мной Лиза, пишу о том, как мне не хватает Дерекки. Пишу об эмоциях, которые переполняют меня, совсем как допотопную алюминиевую или чугунную посуду, в которой я учусь готовить. Пишу о фиолетовых цветах, распускающихся на моей коже, стоит мне только подумать о Дерекке. Пишу о Лизе, она говорит, что мы с ней стали, как это...подругами, и отказывается брать вирткредиты. Но я все равно перевожу их ей, анонимно, потому что в Таверне почти не бывает посетителей. Я пишу о том, что с нетерпением жду Лизиных разговоров и объятий.

А сегодня мне удалось купить лосося, совсем как тогда, когда Дерекк готовил мне рыбу, и Лиза поделилась со мной оранжевыми мелкими кругами. то есть мандаринами, они так смешно лопаются на языке.

В дверь раздается стук. Я недоумеваю, кто бы это мог быть. Открываю. Дерекк.

На нем нет привычных джинсов и рубашки, он одет в серый стерильный костюм рабочего из красной зоны.

— Альба, — говорит мне Дерекк, и мое сердце озаряется, точь в точь, как море, когда в небе всходит солнце. — Я не смог.пустишь?

— Дерекк, я скучала, как я по тебе скучала! Я каждый день скучала! — я говорю ему о том, что у меня на сердце, и мне все равно, посчитает ли меня Дерекк непродуктивной... смешной.

— И я скучал.

Дерекк садится на выцветший диванчик и начинает рассказывать.

— Альба, я не смог жениться. Эта женщина...она только и знает, что зависать в сети инфоцентра, смотрит тупые видео о покраске волос или ногтей. Ей безразлично море, она не смотрит на небо, и развитие человечества ей не интересно. И самое главное, она не ты, Альба.

Мой отец отказался от меня, и я теперь нищ, как последний отщепенец из красной зоны. Все, что я смог сделать, это устроиться рабочим по отлову рехнувшихся дронов в канализации.

И...есть ещё кое-что, что я должен тебе сказать. Мой отец руководит отделением гeбepнaции. 50 лет назад люди, у которых находили смертельные болезни, стали соглашаться на участие в эксперименте по криозаморозке. Мой отец размораживает этих людей и делает из них кукол. Ты живой человек, Альба, ты самый живой человек во всем этом мире. Я не знаю, захочешь ли ты видеть меня после этого.

Я посылаю команду на виртбраслет Дерекки: "Запрос об объединении виртуальных счетов", а потом делаю то, что хотела сделать так давно — я обнимаю мужчину, сумевшего стать частью меня, заполнившего мою пустоту. Дерекк обнимает меня в ответ, улыбается своей мальчишеской светлой улыбкой, и в его объятиях я нахожу свой приют и убежище.

